

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.111

Ю. В. ЗОРИНА

Омский государственный
технический университет

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ И ПОНЯТИЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринимается попытка разработать периодизацию развития терминологии безопасности жизнедеятельности, описаны модели образования терминов, проиллюстрирована терминология каждого из этапов. Количественные и качественные изменения в терминологии обусловлены развитием безопасности жизнедеятельности как особого рода научной деятельности человека.

Ключевые слова: термин, терминология, безопасность жизнедеятельности.

Необходимым предварительным условием упорядочения терминосистемы является исследование истории развития терминосистемы и терминообразовательных средств, так как только оно позволяет вскрыть объективные тенденции развития терминосистемы, без учета которых невозможно создание полезных и жизнеспособных терминологических материалов [1, с. 284].

Мы полностью разделяем точку зрения Л. Б. Ткачёвой о том, что тесная связь терминов с наукой и техникой обуславливает их взаимосвязь, и, чтобы получить истинную картину образования терминов и их семантической структуры, необходимо взаимосвязанное исследование терминологии и соответствующей области знания.

Безопасность жизнедеятельности (БЖД) — это

сравнительно новая область научного знания, содержание которой составляют общие закономерности опасных явлений и соответствующие методы и средства защиты человека в любых условиях его обитания. Безопасность жизнедеятельности решает триединую задачу, которая состоит в идентификации опасностей, реализации профилактических мероприятий и защите от остаточного риска.

В области БЖД работают такие современные ученые, как Н. Г. Занько, Г. А. Корсаков, К. Р. Малаян, О. Н. Русак, В. А. Соловьёв, В. С. Шкрабак, С. А. Ковалёв, Н.Л. Понамарёв, В.С. Сердюк и др. По их мнению, это молодая наука, сложившаяся сравнительно недавно, изучающая общие опасности, угрожающие каждому человеку и разрабатывающая соответствующие способы защиты от них

в любых условиях обитания человека. По словам доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники О. Н. Русака, история научных исследований в этой области почти не изучена, но теоретическими трудами, практическими изысканиями, сформировавшимися научными школами в разных странах мира создана прочная научная база для разработки средств и методов защиты человека от опасностей [2, с. 8].

Предмет науки о БЖД — опасности, объект этой науки — комплекс явлений и процессов в системе «человек — среда обитания», негативно действующих на человека и окружающий его мир.

Говоря о становлении БЖД как области научного знания, можно выделить ряд этапов, каждый из которых характеризуется определенными параметрами. Основные этапы терминологического обеспечения БЖД соответствуют рассматриваемой далее хронологической шкале.

За основу периодизации исторического развития данной области знаний была взята теоретическая модель развития науки Томаса Куна, ставшая в настоящее время общепринятой. Согласно этой модели, можно выделить следующие периоды:

1) *допарадигмальный этап — с древнейших времен до начала XX века* — этот этап характеризуется накоплением первоначальных разрозненных сведений об объекте исследования, не существует единых объяснительных принципов, каждый, работающий в данной области, руководствуется собственным подходом, и все в равной степени является дилетантами;

2) *парадигмальный этап — XX век* — для этой стадии характерно появление совокупности базовых объяснительных принципов и стандартных методов анализа. Достигается консенсус ученых и возникает научная парадигма. С оформлением парадигмы толпа дилетантов превращается в научное сообщество профессионалов: именно носители парадигмы отныне определяют, как следует изучать данную предметную область;

3) *период нормальной науки — конец XX — начало XXI веков до настоящего момента* — идет развитие на основе парадигмы: этот этап характеризуется ростом научного знания в рамках одной научной парадигмы. Ставятся опыты, накапливаются факты, разрабатываются конкретные теории. В этот период происходит совершенствование парадигмы и экспликация ее содержания, в том числе экстраполяция на новые предметные области.

Ученые с древних времен изучают безопасность человека в различных условиях жизни и деятельности, настойчиво ищут разгадку страшных болезней и природных катаклизмов.

В античном мире передовые представители науки уже осознали понимание рисков, связанных с трудовой деятельностью, необходимость и целесообразность их предотвращения. Гиппократ, основоположник научного подхода к болезням человека и их лечению, в трактате «*О священной болезни*» доказывал, что все болезни вызываются естественными причинами, создал теорию «*болезнетворных миазмов*» (от греч. **miasma** — *загрязнение, скверна*). С 19 в. термин «*миазм*» употребляют только в переносном значении. В сочинении «*О воздухе, водах и местностях*» он проводит идею о влиянии географических (от греч. **ge** — *Земля* и **grapho** — *пишу*) условий и климата (от греч. **klima** — *наклон*) на особенности организма: сочинение Гиппократа содержит наблюдения над распространением болезней в зависимости

от внешних влияний атмосферы, времени года, ветра, воды и их результат — физиологические действия указанных влияний на здоровый организм человека. Римский ученый Плиний рассматривал проблемы качества образа жизни, исследовал влияние пыли (от лат. **fumus** — *дым*) на здоровье человека. В настоящее время в зависимости от происхождения ученые различают органические и неорганические пыли. Арабы значительно продвинули вперед диагностику (от греч. **diagnostikos** — *способный распознавать*) и положили начало изучению влияния на здоровье факторов окружающей среды и образа жизни — климата (от греч. **klima** — *наклон*), гигиены (от греч. **hygienos** — *полезный, приносящий здоровье*), питания. В условиях пустыни были распространены заболевания и травмы глаз, так арабы заметно развили офтальмологию (от греч. **ophthalmos** — *глаз* и *...логия*) и умели производить глазные хирургические операции.

В средние века в Европе уже имелось представление о связи различных ремесел с определенными опасностями для здоровья. До настоящего времени словом «*плацебо*» называется безвредное вещество (например, дистиллированная вода), которое иногда предлагается в качестве лекарства. Возникновение этого термина связано с первым словом заключительной строчки 114 Псалма: «*Буду хогить преглицом Господним на земле живых*» (лат. «*Placebo Domini in regione vivonan*»). Слово *реанимация* (от лат. **animatio**) значит *оживление*, оно пришло в медицину из богословия. В 14-м веке во время эпидемий в Европе стали задерживать людей и товары на пограничных пунктах в течение 40 дней. В результате появился термин *карантин* (от итал. **quaranta gironi** — *сорок дней*) в память о 40-дневном пребывании Христа в пустыне. Еще в 17-м столетии в Англии эпидемию чумы называли **visitation**, что значит *испытание, кара Господня*. В VI в. монахи ордена св. Лазаря, возникшего на территории Италии, посвятили себя уходу за прокаженными. От имени покровителя этого ордена произошло слово *лазарет*. Первоначально так называли организованные монахами приюты и больницы для прокаженных, позже лазаретом стал называться передвижной военный госпиталь. Родоначальник фармакологии, знаменитый швейцарский врач Парацельс объяснил природу возникновения силикоза (лат. **silex** — *кремень*), профессиональной болезни горняков. В своих трактатах ученый часто использует слово *вирус* (от лат. **virus** — *яг*). Термин *вирус* предложил голландец Бейеринк для обозначения инфекционной природы отфильтрованных растительных жидкостей. Название *фильтрующиеся вирусы* употребляли до конца 30-х — начала 40-х гг. 20-го столетия.

В эпоху Возрождения получили развитие две теории происхождения болезней — контагиозная теория итальянского врача Фракасторо и миазматически-конституциональная в трудах английского врача Сайденгама, которого называли «английским Гиппократом». Агрикола, немецкий учёный, врач и металлург, впервые обобщил опыт горнометаллургического производства и изложил вопросы охраны труда в работе «*О горном деле*». Термин *венерические болезни* был предложен в 1527 году французским ученым Ж. де Бетанкурром. Венерические болезни были известны с глубокой древности (2500 лет до н.э.), однако их рассматривали как одно заболевание. В конце 15-го века из общей медицины выделилась самостоятельная дисциплина — венерология. Итальян-

ский врач, один из основоположников учения о профессиональных болезнях, Б. Рамаццини работал в области металлургии, описал профессиональные заболевания, заметил, что существует определённая связь между характером труда и здоровьем человека, написал книгу «О болезнях ремесленников» (1700), в ней систематически изложил вопросы гигиены труда, тем самым заложив основы профессиональной гигиены, и профессиональных заболеваний (около 70 профессий). Первый микроскоп был построен в 1590 году нидерландским ученым З. Янсенем. В 1601 году был принят первый в Англии страховательный законодательный акт *assurance (an earlier term for insurance)*, касавшийся морских рисков. В 1676 году впервые удалось увидеть бактерии (от греч. **bakterion** — палочка) голландцу А. Ван Левенгуку. В раскрытие природы молнии внесли вклад американский физик Б. Франклин, пионер исследований атмосферного (от греч. **atmos** — пар и **spharia** — сфера) электричества, в 1789 году предложивший молниеотвод, русские ученые М. В. Ломоносов и Г. Рихман. В 1730 году Б. Франклин организовал в США первую пожарную команду, а также совместно с доктором Эвансом определил симптомы отравления свинцом. М. В. Ломоносов написал основополагающие работы по безопасности труда в горном деле. В «Работе об условиях движения вольного воздуха» описал устройство вентиляции (от лат. **ventilatio** — проветривание). В 1796 году английский врач Э. Дженнер открыл метод предохранительных прививок, который назвал вакцинацией, а материал для прививок — вакциной (от лат. **vacca** — корова) и предложил свой метод оспопрививания. Но только в 1980 году ВОЗ объявила, что оспа побеждена. Теперь детям, родившимся после 1980 года, не делают оспопрививания.

Генезис такого явления, как *охрана труда* как ключевого института социальной политики государства, происходил в 19 веке параллельно с процессом индустриализации в Европе. Подобно химии, биология (термин введен Ламарком в 1802–1803 гг.) первоначально формировалась как эмпирическая область знания и для становления как науки должна была решить задачу классификации и систематизации материала. Особой ветвью биологического знания становятся микробиология (благодаря случайному открытию Левенгука) (от греч. **mikros** — малый, **bios** — жизнь) и гистология (от греч. **histos** — ткань). Л. Пастер (1822–1895) создал учение о микроорганизмах, показал их роль как возбудителей инфекционных (от лат. **infectio** — заражение) заболеваний, разработал на этой основе в 70–80-е гг. 19 века методы вакцинации (от лат. **vaccina** — коровья), асептики (от греч. **a+septikos** — вызывающий нагноение), антисептики (**анти...** + греч. **septikos** — гнойный).

В. В. Петров (1761–1834), изобретатель батареи постоянного тока (1801 г.), разрабатывал средства защиты от электрического тока, изобрёл изоляцию (от фр. **isolation** — отделение, разобщение). В 80-е годы 19 столетия де Росси и Форель создали сейсмическую (от греч. **seismos** — землетрясение) шкалу интенсивности (от 1 до 10), в 1920 году итальянец Меркалли предложил другую шкалу с диапазоном значений от 1 до 12, в 1931 году эта шкала была усовершенствована Вудом и Ньюменом. В 1935 году профессор Калифорнийского технологического института Ч. Рихтер предложил оценивать энергию землетрясения магнитудой (от лат. **magnitudo** — величина). В 1898 году Мария Кюри (1867–1934) и её муж Пьер Кюри (1859–1906) обнаружили, что уран

после излучения превращается в другие химические элементы. Один из этих элементов супруги назвали полонием в память о родине Марии, а ещё один *радием* (от лат. *испускающий лучи*). В 1900 году Пьер Кюри ввел термин *радиоактивность* (от лат. **radiare** — излучать и **activus** — деятельный). В 1909 году И. П. Павлов (1849–1936) ввёл в физиологию термин *анализатор* (от греч. **analysis** — разложение), обозначающий сенсорную систему. В 1936 году канадский физиолог Г. Селье (1907–1982) ввёл термин *стресс* (от англ. **stress** — напряжение).

С начала 21 века в нашей стране проводится единая государственная политика в области обеспечения безопасности личности, общества и государства. Для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности в Российской Федерации разрабатывается система правовых норм.

В 1993 году была учреждена Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности. В настоящее время МАНЭБ готовит к изданию научные труды, учебную и справочную литературу по вопросам экологии и ООС, БЖД, ЧС. Ежегодно публикуются материалы международных конференций, научных чтений.

Итак, терминология безопасности жизнедеятельности определяется структурой этой дисциплины, поскольку её терминологические аспекты связаны с определением предмета, проблем, методов и продуктов самой дисциплины, а формирование её терминологии зависит от развития, расширения, совершенствования теоретической и практической деятельности в области БЖД [3, с. 86].

Становление, развитие и функционирование англоязычной терминологии безопасности жизнедеятельности находится в прямой зависимости от становления и развития самой науки. В истории формирования терминологии безопасности жизнедеятельности выделяются три этапа ее развития, стимулируемых и детерминируемых как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. На последнем, третьем, этапе произошло становление и превращение терминологии безопасности жизнедеятельности в самостоятельную систему. Комплексный характер самой науки определяет иерархическую структуру ее терминосистемы. Отводя человеку активную роль в познании мира и рассматривая когнитивную деятельность как совокупность процессов восприятия, мышления, памяти, направленных на освоение окружающего мира, ученые выделяют категоризацию мира как ключевой когнитивный процесс.

Библиографический список

1. Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии (Как работать над терминологическим словарем) / А. С. Герд. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 73 с.
2. Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособие / Под ред. О. Н. Русака. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Лань, 2000. — 448 с.
3. Зорина, Ю. В. Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности в лингвокогнитивном освещении : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Зорина. — Омск, 2011. — 225 с.

ЗОРИНА Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: ouyabrina1081@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2014 г.

© Ю. В. Зорина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В АВТОМОБИЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье описывается терминологическая лексика автомобильного медиадискурса, которая образует две неравные лексические части: узкоспециальные термины и термины широкого употребления. Автомобильный дискурс дает возможность проследить «живое» функционирование термина, которое не всегда отражается в словаре.

Ключевые слова: автомобильный дискурс, медиадискурс, терминология.

В современном терминоведении, как отмечает В. М. Лейчик, одним из важнейших принципов признается первичность сферы функционирования термина по отношению к сфере фиксации [1, с. 148]. Функциональный аспект в изучении терминологии имеет большое и самостоятельное исследовательское значение, поскольку все истинные свойства и качества термина проявляются только при функционировании его в специальных текстах или в устных формах профессионального общения. Изучение функционального аспекта терминов, являлось объектом исследования отдельных авторов: Л. М. Алексеевой [2], А. М. Клэстер [3], З. И. Комаровой [4], С. Л. Мишлановой [5], А. К. Сулеймановой [6], М. С. Шумайловой [7].

Однако характерной приметой нового времени является расширение сектора научно-популярных изданий разных типов, именно поэтому значительный интерес для исследователя представляет функционирование терминов в специализированных типах медийного дискурса. Для нас представляет интерес изучение лексического пласта печатных СМИ, это обусловлено тем фактом, что журнал наиболее ярко отражает живые процессы, происходящие в языке.

Таким образом, именно печатный *автомобильный медийный дискурс* (далее АМД), который обладает как собственными дискурсивными характеристиками, детерминированными прежде всего тематикой общения, так и общими характеристиками любого из видов медиадискурса, обусловленными спецификой сферы массовой коммуникации, является объектом внимания в настоящей статье (подробнее об АМД см. [8]).

Для выявления особенностей функционирования лексических единиц в автомобильном дискурсе, мы взяли публикации в глянцево-автомобильном журнале «За рулем», за период 2008–2010 гг. Целевая аудитория данного журнала выглядит следующим образом — это автолюбители, преимущественно мужчины среднего возраста, уже владеющие или только собирающиеся приобрести автомобиль, а также все, кто интересуется автомобильной тематикой.

Терминологическая лексика образует ядро в тезаурусе автомобильного медийного дискурса русского языка. Терминология образует две неравные лексические части: узкоспециальные автомобиль-

ные термины, ограниченные в своем употреблении, — (35%), и так называемые (*автомобильные*) термины широкого употребления — (65%), понятные всем носителям языка.

Так как автомобильный дискурс ориентирован на обычного читателя, следовательно, язык статей не должен затруднять понимание излагаемого материала, поэтому *автомобильные термины широкого употребления* частотны и составляет лексико-семантическую основу АМД, например: *бензин, руль, место водителя, салон, колеса, мотор, тормоза* и другие.

По нашему мнению, наличие пласта *терминов широкого употребления* в медиадискурсе неизбежно и даже необходимо, поскольку невозможно передать информацию узкой технической области без терминов широкого употребления.

Но, безусловно, читатели, к которым обращена информация данного типа дискурса, должны владеть определенным объемом профессионально-технических знаний, т.к. в нём присутствуют специальные термины, к примеру:

— *Вдохновение приходит при прохождении поворотов на новом мультиконтурном сиденье для динамичной езды. В боковые валики его спинки встроены надувные камеры, давление в которых меняется в зависимости от угла поворота, бокового ускорения и скорости, обеспечивая вам дополнительную боковую поддержку.*

Перечисленные достоинства автомобиля, выраженные техническими терминами, достаточны, по мнению автора, для того, чтобы создать определенное представление у читателя о комфортабельности и технических характеристиках автомобиля, опираясь на свои технические знания.

Для комментирования и разъяснения узкоспециальных терминов авторы используют средства пояснения, в числе которых стоит назвать:

расшифровка аббревиатур:

— *Название системы — АБС (антиблокировочная система).*

— *У «Пежо» до сих пор не было в модельном ряду ни компактного однообъемника, ни компактного SUV (автомобиль для активного отдыха).*

Вставные конструкции, имеющие значения «попутного замечания» с выносом объяснения в скобки:

— *... газы отсасываются только через регули-*

рованный на заводе просвет в волос между кромками заслонки и стенками патрубка (соответствующий угол открытия заслонки называют начальным углом).

Такой способ включения узкоспециальных терминов очень распространен, на это указывают многочисленные примеры:

— Снижается рабочая температура цикла (следовательно, смесь не нужно дополнительно обогащать, чтобы охладить нейтрализаторы), а из-за уменьшения разрежения на впуске — еще и насосные потери.

— Разработанная для него присадка снижает потери на трение (прежде всего в зоне между поршневыми кольцами и стенками цилиндра), а еще эффективно удаляет отложения со впускных клапанов.

Включение в состав конструкции слов так называемый, которые в сочетании с разъяснением подчеркивают ввод нового термина:

— Наряду с базовой версией доступны так называемые комфортные сиденья с пневморегулировкой боковой поддержки и вентиляцией подушки и спинки.

— Помимо традиционного ближнего и дальнего света, боковой подсветки и освещения поворотов появился так называемый магистральный свет — еще более узкий и дальнобойный пучок для освещения дороги на большой скорости.

Лексический (описательный) способ разъяснения термина:

— Полностью светодиодные фары — еще одно подтверждение технологического лидерства Audi. Светодиодные лампы впервые начали использоваться в фарах ближнего света. Они хорошо заметны даже в светлое время суток и обеспечивают близкий к солнечному спектру натуральный свет.

Постпозиционное описание:

— Есть такое техническое понятие — рекуперация, означающее возврат затраченной энергии для повторного использования.

— А еще система Dual AVCS, регулирующая фазы открытия как впускных, так и выпускных клапанов.

— Для всех вариантов LS 600h доступны и «комфорт-пакет», включающий в себя среди прочего 4-зонный климат-контроль, задние боковые эйрбегги и солнцезащитные шторки с электроприводом.

Препозиционное толкование:

— Обычно такое охлаждение осуществляется в специальном радиаторе — интеркулере.

Прямое указание на этимологию термина:

— В самом сложном бездорожье «Праго» поможет система Crawl Control (англ. crawl — ползать).

Как показало исследование, выбор формы объяснения терминов субъективен и подчас определяется только «вкусовыми» соображениями автора.

В обнаруженных терминах автомобильного медиадискурса установлено наличие следующих тематических групп и подгрупп:

1. ТГ «Конструкция автомобиля»

Подгруппа «Устройство, детали и системы»:

— В автомобиле установлены шесть эйрбергов, активные подголовники, система стабилизации VSA, система троганья на подъеме.

— Уже на дорогах полигона проверили парковочные системы.

Подгруппа «Виды и типы»:

— Кроссовер японской компании Mazda CX-7 не может похвастаться длинной историей — впер-

вые он был представлен в 2006 году на выставке в Лос-Анджелесе.

— На дороге ведёт себя не как высокий кроссовер, а как хэтчбек с хорошо настроенным шасси.

— Новый седан «Фольксваген», первый эскиз которого представил шеф-дизайнер концерна Вальтер де Сильва, будет стоить 10000 евро.

2. ТГ «Техническая эксплуатация» с подгруппами «Диагностика», «Ремонт», «Тюнинг».

Подгруппа «Диагностика»:

* Между тем в заказ-наряде значилась диагностика двигателя.

Подгруппа «Ремонт»:

— После ремонта зазоры между панелями кузова в некоторых местах увеличились вдвое.

— Судя по записи, деталь заменили новой.

Подгруппа «Тюнинг»:

— В принципе, снаружи почти всё новое: бамперы, юбки, раздутые крылья, капот, задний спойлер на крышку багажника и, конечно, же диски ENCO Jura Design.

— Дополнили картину широкие боковые крылья и черные передние фары от японской версии машины с ксеноном 8500 Кельвинов.

Также можно отметить и такие случаи функционирования специальных терминов, когда они включаются в текст без какого бы то ни было пояснения их содержания:

— У «Вольво-FMX» есть и автомат с классической ГМП, 6-ступенчатый Powertronic с гидротрансформатором и электронным управлением.

— В 2006 произошёл незначительный фейслифтинг модели.

Или:

— Новый автомат не только исключительно гладко «стыкует»..., но и в доли секунды отработывает с высшей передачи на вторую в режиме kick-down.

Данные термины, преимущественно английского происхождения, введены в текст без объяснения и перевода. Для исследуемого материала характерна насыщенность терминами английского происхождения — заимствованиями. Сегодня заимствования напрямую транслируются средствами массовой информации и рекламой, автомобильный медийный дискурс не стал исключением:

— Первые занятия фирменной академии вождения Mercedes-Benz Driving Academy прошли в конце зимы...

— Ну а торможение двигателем или буксировку прицепа в гору обеспечат кнопка overdrive off и режимы, ограничивающие включение передач.

— В его активе блокируемые межосевой и задний межколесный дифференциалы, а также система Terrain Response.

— Иновационная 7-ступенчатая коробка передач DSG объединяет динамику и экономичность механической КПП с удобствами автоматки.

— И тем не менее вначале свет увидело «четырёхдверное купе» CLS, являющееся, по сути, седаном с ниспадающей линией крыши.

Подобное функционирование терминов в публикациях, обращенных к широкому кругу читателей, может затруднять понимание содержания текста.

Далее рассмотрим автомобильные термины в дискурсе с точки зрения их частеречной принадлежности. Русскоязычному медиадискурсу свойственна номинативность. Подавляющее большинство единиц автомобильной лексики выражено именами существительными. Имена существительные служат

для обозначения категории предметности, большая часть из них является одноклассными терминами (простыми, производными и сложными существительными).

Имена существительные обозначают:

— одушевленные существности: *дилер, владелец, пассажир, ремонтник*.

— *Водитель (или все же пилот) может настроить полный привод под себя: режимов работы межосевого дифференциала аж девять.*

— Неодушевленные предметы (технические понятия, названия узлов и деталей автомобилей): *клапан, дифференциал, стойка, тормоз, подвеска, мотор*.

Значительное количество автомобильных терминов являются отглагольными образованиями, обозначающими процесс: *управление, регулирование, производство, пробег, впуск, выпуск, выход, выезд, проходимость, обслуживание, переключение, зажигание, торможение, сгорание, управляемость, эксплуатация*.

— *...обогрев передних сидений с раздельной регулировкой.*

Помимо имени существительного в автомобильном дискурсе фиксируются имена прилагательные. Количество прилагательных в анализируемом дискурсе значительно меньше по сравнению с именами существительными.

В автомобильной терминологии существует своя система признаков, содержащих указание на параметры или оценку работы узлов и агрегатов.

Прилагательные в русскоязычном автомобильном дискурсе обозначают:

— количественные характеристики (*четырёхступенчатая, семиместный, пятидверный, двухстворчатый*);

— *Оба могут работать в паре как с 5-ступенчатой механикой, так и с 4-ступенчатым автоматом.*

— качественные характеристики (*полноприводной, переднеприводной, малогабаритный, тюнинг-граванный*);

— *Нужен ли самоблокирующий дифференциал на переднеприводном автомобиле — вопрос сложный.*

Прилагательные играют лидирующую роль в образовании компонентов в составе терминологических словосочетаний: *бензиновый двигатель, рабочий объём, дальний свет, крупноузловая сборка, задняя подвеска, масляная ванна*.

— *Передняя панель смотрится простовато, а вот центральная консоль — вполне современно.*

Интересными являются наименования цветов и тональные решения автомобилей, это могут быть традиционные цветообозначения: *белый, зеленый, красный, синий, черный*, или наименования цветов, соотносящиеся с цветом минералов, окраской плодов, растений и рыб: *авантюрин, аметист, арахис, гранат, жасмин, изумруд, рубин, форель*.

— *В общем, баллистические параметры моего снаряга цвета киви на высоте.*

Глаголы используются преимущественно в форме настоящего времени, обозначая процессуальность, длительность действия:

— *По заверениям немецких специалистов, в смешанном цикле машина расходует меньше 5 л соляры на сотню.*

— *Двигатель легко запускается при —33°С.*

Другие грамматические классы слов (местоимения, причастия, деепричастия, наречия) функционируют в данном виде дискурса недостаточно активно.

Проведенное исследование наглядно демонстрирует тот факт, что терминологическая лексика занимает значительное место в автомобильном медиадискурсе. Она включает в себя термины широкого употребления и узкоспециальные автомобильные термины. Термины широкого употребления наиболее частотны, они выполняют связующую функцию, образуя «специфическую среду», в которой функционируют и проявляют свои качества узкоспециальные термины.

Тексты автомобильного медиадискурса включают в себя значительный процент заимствованных единиц, преимущественно англицизмов. Появление заимствований объясняется усилившимися контактами между учёными разных стран, совместными разработками конкретных научных проблем и технических открытий, что требует сближения соответствующих терминологий. Всё это отражается в интернационализации и глобализации автомобильной отрасли, а соответственно, и языка.

Библиографический список

1. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: КомКнига, 2009. — 256 с.
2. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминообразования / Л. М. Алексеева. — Пермь, 1998. — 120 с.
3. Клэстер, А. М. Системное взаимодействие немецких терминов инженерной психологии / А. М. Клэстер // Омский научный вестник. — 2011. — № 5 (101). — С. 132–136.
4. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание / З. И. Комарова. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 156 с.
5. Мишланова, С. Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе / С. Л. Мишланова // Научно-техническая терминология. — 2003. — Вып. 1. — С. 35–45.
6. Сулейманова, А. К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. К. Сулейманова. — Уфа, 2006. — 47 с.
7. Шумайлова, М. С. Лексические особенности немецкой терминологии Интернета / М. С. Шумайлова // Омский научный вестник. — 2012. — № 5 (112). С. 148–151.
8. Ревина, Ю. Н. Дискурсивные наименования специальных понятий (на материале автомобильного медиадискурса немецкого и русского языков) / Ю. Н. Ревина // Омский научный вестник. — 2013. — № 3 (119). — С. 121–123.

РЕВИНА Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: Julia_L_23@list.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2014 г.

© Ю. Н. Ревина

ЖУРНАЛ «ТОРГЕАР»: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье описываются типологические, содержательные и стилистические особенности русской версии одного из самых известных автомобильных журналов Великобритании.

Ключевые слова: автомобильный дискурс, тип издания, специализированная пресса, стилистические особенности.

Журнал «TopGear» — это русская версия одного из самых известных автомобильных журналов Великобритании. В России выходит с 2004 года. Издательская группа Парлан/Parlan (ранее — Parlant) существует на рынке с 1996 года и издает глянце-вые журналы «Officiel», «Мезонин» и «TopGear».

Выходит 11 раз в год. Объем издания — 225 пол-лос. Тираж — 103 237 экз. Доля рекламы в общем объеме издания — 17,9%.

Этот журнал занимает особое место на россий-ском медиарынке. «Это единственный лицензи-онный журнал, которому удалось добиться успеха в российском автомобильном сегменте. Менед-жменту и редакции российской версии этого жур-нала удалось конвертировать импортный телевизи-онный бренд в продвижение на журнальном рынке, что, безусловно, потребовало от редакции и ИД «Пар-лан» соответствующих креативных решений» [1].

Согласно типологии, предложенной М. И. Шос-таком, журналы автомобильной тематики — это массовые издания с узким диапазоном информации («для всех» — «о конкретном»). Автомобильные из-дания представляют собой сегмент издательского рынка суженной тематики, отражающие професси-ональные интересы аудитории (автомобилизм) [2]. Другими словами, подобные издания, наряду с жур-налами о спорте, моде, компьютерах, садоводстве и под-, относятся к специализированной прессе.

Журнал «TopGear» входит в наиболее много-численный класс автомобильных изданий — уни-версальные журналы и газеты для автолюбителей: «За рулем», «Автомобили», «Авторевю», «Автомир», «Клаксон» и др. Эти издания пишут обо всем, что так или иначе связано с автомобилем: новых моде-лях, результатах испытаний, автохимии, автоспорте, известных личностях и др. Однако принадлежа-щие к одному и тому же типу издания демонстри-руют внутри одной типологической группы разные содержательные и стилистические стандарты. Так, в журнале «TopGear» описываются по большей ча-сти эксклюзивные, дорогие автомобили — краси-вые, мощные и быстрые, а также спецмашины — гру-зовики, полицейские автомобили, спорткары и др. Читателями журнала стали экстремальные автолю-бители, настоящие фанаты роскошных, раритетных и быстрых автомобилей.

Кроме того «TopGear» отличается оригинальной издательской концепцией — он стремится трансли-ровать собственную картину мира, где автомобиль является не только и не столько объектом купли-продажи, как в других журналах, но результатом творческой работы человека. Главным отличием журнала является особый подход к автомобилю как к неотъемлемой части современной культуры, как к произведению искусства.

Журнал «TopGear» имеет ярко выраженные ин-дивидуальные стилистические особенности по срав-нению с другими журналами данной типологической группы.

Автомобильный дискурс, репрезентированный в глянцевых журналах об автомобилях, совмещает особенности дискурсов, на базе которых он фор-мируется. Автомобильный дискурс представлен в журналах в виде комплекса текстов, коммуни-кативной задачей которых является, с одной стороны, информирование и воздействие (публицистический дискурс), с другой стороны, популяризация научно-технического знания (научный и научно-популяр-ный дискурсы) и, наконец, рекламирование (ре-кламный дискурс).

Специфика отбора и организации языковых средств в автомобильном дискурсе глянцевых жур-налов обусловлена по большей части принадлежно-стью исследуемых текстов к публицистическому, или медийному дискурсу (см. об этом подробнее [3] или [4]). Данные тексты обладают такими специфи-ческими признаками публицистического дискурса, как оценочность, экспрессивность, авторская субъ-ективность.

Инвариантной стилистической составляющей автомобильного дискурса является наличие специ-альной лексики, включая собственно терминологию, тематически обусловленной общелитературной лек-сики, автомобильного сленга, а также разговорных вариантов терминов.

Тезаурус «TopGear» видоизменяется за счет активного включения в тексты не только разго-ворной (как в других журналах), но и жаргонной, стилистически сниженной, фамильярной и даже инвективной лексики. Для исследуемого издания в целом характерно снижение стилового регистра (фамильярная тональность) и жаргонизация обще-

За рулем благодаря посадке и дизайну передней консоли чувствуешь себя, как в спортивном автомобиле.	За рулем устраивался долго. И обозлился. Либо сидишь вертикально, как, пардон, на унитаже в малогабаритном клозете. ... На коротком сиденье ляжки раздражающе повисают в воздухе.
---	---

ния, детабуированность и эпатажность. «По своему эмоционально-экспрессивному содержанию семантико-стилистическая категория фамильярности включается в состав общетекстовой категории тональности, составляя одну из ее частных разновидностей» [5].

В текстах «TopGear» наблюдается функционирование лексических единиц общего и молодежного жаргона: * *BMW, естественно, тоже не терял времени даром и забил незанятую собой нишу четырехдверного купе*; * *А че, чуваки, круто, едрены пастажи!* * *Все пацаны реально офигеют: американские копы получают новую тачку на замену убогим и старым CrownVictoria*. * *Хотите прикол напоследок? Да к черту экономику: кайф и понты дороже денег*.

Также активно используется разговорная, стилистически сниженная, фамильярная лексика: * *И если бы они сделали его таким, мы бы наконец перестали ворчать по поводу того, какое же все таки дерьмо этот нынешний Ка*; * *Так вот этой мечте японские мужчины поэтично переделали морду в рамках фамильных черт...;* * *...хотя почти все машины этого класса с каждым новым поколением все больше и больше отключивают задницу*.

В отличие от других журналов автомобильной тематики для языка «TopGear» характерно употребление инвективной лексики, связанной с пренебрежительным отношением к предмету речи: * *Когда из тебя делают дебила, поневоле им станешь. За дебилизацию управления автомобилем в ответе бесконечное количество бессмысленных или плохо сконструированных гаджетов и «вспомогательных» систем, которые выводят из употребления целые доли нашего мозга*.

Фамильярность также выражается глагольными формами повелительного наклонения: * *Самый громадный и наглый бренд отбросил копыта. А теперь вытрите сопли и идите, дайте в морду гризли... (лиг к материалу о Hummer)*; * *Юный техник! Чтобы из суперкара сделать гиперкар, отсеки от него все лишнее и замени карбоном остальное. Что получится, читай тут*.

Особым стилистическим признаком журнала «TopGear» является фамильярная тональность общения автора и адресата. Это проявляется на лексико-грамматическом уровне в выборе ты-формы общения: * *Ради тебя, читатель, мы готовы на все. Николай Ушанов и Виталий Тищенко, например, впервые в жизни сели в мотоседло и совершили за тебя все ошибки, которые ты обязан был сделать сам. Но нам не жалко — учись на наших!* и использованием междометий: * *Эй вы, восторженные читатели BugattiVeyroni, любители толстогазовой динамики, протрите глаза! Эффект неформального общения автора и читателя достигается и обращениями типа парни: * Так что, парни, голодание не катит*.

Как видим, фамильярность способствует созданию определенного эмоционального настроения (ощущения драйва) у читателя и индивидуализации образа автора журнала.

Отметим, что агрессивная стилистика находит отражение и в метафорике: если в других жур-

налах автомобиль метафорически представляется как живое существо — человек или животное, обладающее зачастую половыми признаками, то в «TopGear» автомобиль достаточно часто уподобляется не животному, но одушевленному существу — монстру, чудовищу: * *Новый Challenger — реальное чудовище. Зверюга. Его хочет каждый мужик, в жилах которого кровь, а не вога*. * *Но вряд ли стоит предлагать Bentley строить такого монстра*. * *Вот он, исконный Годзилла — SkylineR32*.

Стилистической доминантой исследуемого издания следует назвать стилистическую многомерность (Г. Я. Солганик), вариативность: текстовые фрагменты, написанные привычным для автолюбителей языком, чередуются с эмоционально заряженными, экспрессивными контекстами, демонстрирующими стилистическую раскованность авторов. Это касается как текстов оригинального издания, так и российских материалов.

Стр. описание водительского кресла в разных материалах «TopGear» (табл. 1).

Стилистическая неравномерность проявляется и в употреблении терминов. С одной стороны, в текстах «TopGear» количество терминов увеличивается за счет активного включения номенклатурных наименований — марок и моделей автомобилей, обозначений узлов, агрегатов и опций автомобилей: * *Перед вами MANHX-77 — полноприводный грузовик-внедорожник с колесной формулой 8x8*; * *Тем более что и моторы у него теперь все сплошь с турбонаддувом — от 105-сильного бензинового 1.2 TSI до 170-сильного дизельного 2.0 TDI*. С другой — терминология «размывается», теряется среди нетерминологических средств номинации, прежде всего профессионализмов и профессиональных жаргонизмов: * *Porsche взял GT2, основательно его воспотрошил и зарядил — 70 кг долой, 90 лошадей сверху*; * *Как и в прошлогодней Superleggera, прозрачная крышка капота LP560 устраивает стриптиз его механическим кишкам. Отличное шоу!* Таким образом уровень научно-технической кодировки текста в целом снижается, вместе с этим возрастает количество элементов, выражающих субъективное мнение.

Журнал «TopGear» представляет собой особый вид автомобильного издания, синкретичное текстовое пространство, так как в его основе лежат одновременно несколько принципов:

1. Совмещение нескольких форматов. Можно предположить, что «TopGear» — это не просто универсальный автомобильный журнал, это гибрид формата lifestyle и автомобильного издания. В современной англо- и немецкоязычной традиции для обозначения глянцевого издания используется термин lifestyle — журналы, ориентированные на отражение и формирование стиля красивой и комфортной жизни людей, неотъемлемой частью которой является автомобиль.

2. Основой организации словесного материала в журнале «TopGear» служит стилистика табloidных изданий, что проявляется в активном использовании стилистически маркированных языковых единиц, снижении тональности, намеренном рас-

ширении спектра субъективной модальности за счет высокой негативности и агрессивности.

Библиографический список

1. Яковенко, И. А. Аналитический обзор автомобильной прессы / И. А. Яковенко [Электронный ресурс]. — URL: <http://pressaudit.ru/tag/obzor/> (дата обращения: 17.02.2014).
2. Шостак, М. И. Журналы в системе СМИ: типология и «ниши» изданий / М. И. Шостак // Типология периодической печати: учеб. пособие для студентов вузов; под ред. М. В. Шкондина, Л. П. Реснянской. — М.: Аспект Пресс, 2007. — С. 79–92.
3. Рогалева, О. С. Лингвостилистические особенности автомобильного дискурса (на примере журнала «За рулем») / О. С. Рогалева // Медиадискурс: новые явления и новые подходы: коллективн. моногр. / под ред. Н. А. Кузьминой. —

Омск: И. Баловнева, 2010. — С. 95–106.

4. Рогалева, О. С. Дискурс автомобильного журнала: коммуникативно-прагматические и стилистические особенности (на примере журнала «За рулем») / О. С. Рогалева // Омский научный вестник. — 2011. — № 5 (101). — С. 151–154.
5. Смирнова, М. П. Семейная тональность в текстах блоидных изданий: автореф. дис. ...канд. филол. наук / М. П. Смирнова. — Екатеринбург, 2009. — 23 с.

РОГАЛЕВА Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры журналистики и медиалингвистики.
Адрес для переписки: andre_rog@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2014 г.

© О. С. Рогалева

УДК 81-114.4

М. А. ФЕДОРОВА

Омский государственный
технический университет

ЖАНРОВЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОЙ РЕЧИ

В свете современных тенденций глобализации образования и подготовки конкурентоспособного специалиста предлагается использование жанрового подхода в развитии культуры научной речи на русском и иностранном языках. Это предполагает как способность понимать и анализировать разнообразные научные тексты определенной профессиональной сферы, так и создавать их.

Ключевые слова: культура научной речи, научный дискурс, речевой жанр, компетенции.

Введение. В свете современных тенденций глобализации образования и подготовки конкурентоспособного специалиста, обладающего в числе других коммуникативными компетенциями, необходимо развивать культуру научной речи не только преподавателей и студентов-гуманитариев, но и студентов технических вузов [1, с. 286; 2; 3]. Цель настоящей статьи — осветить основные понятия и проанализировать возможности использования жанрового подхода в формировании коммуникативной компетенции и развитии культуры научной речи современного специалиста.

Культура научной речи — это соблюдение норм языка на всех его уровнях и творческий подход к данным нормам в процессе научной коммуникации. Целью обеспечения культуры научной речи является максимально возможное в данную эпоху выполнение произведениями научной речи тех функций, которые ей присущи: когнитивной, эпистемической (репрезентация научной информации), коммуникативной. Процесс обучения культуре научной речи предполагает как способность понимать и анализировать научные тексты определенной профессиональной сферы, так и создавать их. Кроме того, если мы говорим об устной научной речи, то есть о культуре научного выступления, то необходимо обучение риторике, включая правила научного диалога, а также презентации доклада с использованием наглядных и технических средств.

Важной частью общей коммуникативной компетенции является жанровая компетенция языковой личности [4, с. 16]. Понятие «научный дискурс» и его соотношение с такими понятиями, как «научный стиль» и «научный жанр» — предмет рассмотрения функциональной стилистики, прагматики, теории речевых жанров. Кроме того, представление о содержании этих понятий, а также об особенностях жанров академической речи — важный аспект преподавания культуры научной речи, и академического письма в частности.

Задача системного изучения речи в ее разнообразных формах и жанрах была поставлена в славянской стилистике уже в двадцатые годы XX века. Однако современные жанроведы отмечают, что в 20–30 годы XX века еще не была выработана целостная модель изучения языка в реальной речевой действительности. Основной задачей развивающейся в 50–70 годы функциональной стилистики была классификация функциональных разновидностей языка/речи. Во второй половине XX столетия и в настоящее время стилистика переориентировалась на другие уровни языковой абстракции в исследовании речи, а именно с изучения стилистических ресурсов речи на изучение принципов их употребления, в том числе в разных сферах и жанрах речи. Труды таких ученых, как Б. Н. Головин, М. Н. Кожина, В. Г. Костомаров, О. Б. Сиротина,

определили общее движение к последующему анализу речевых жанров как более частных, по сравнению с функциональными стилями, разновидностей речи. В настоящем исследовании нас интересует сфера научной деятельности и научных коммуникаций и, соответственно, функционирующие в них жанры речи.

Дискурс, стиль и жанр. Анализ соотношения данных понятий представлен в работе Н. И. Клушиной, по мнению которой «доминирование термина дискурс — яркий показатель смены научной парадигмы в современной лингвистике: от системного подхода к изучению языка (когда язык рассматривается как система систем) к коммуникативному исследованию лингвистических феноменов» [5, с. 25]. Объектом изучения в функциональной стилистике является стиль, а в коммуникативной стилистике и прагматике — дискурс в его современном понимании.

Дискурс — понятие западной лингвистики, традиционным для отечественной филологии все-таки является понятие функционального стиля. Под дискурсом понимается связный текст (гипертекст, сверхтекст) в совокупности с экстралингвистическими, паралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте и включающий паралингвистическое сопровождение речи [6, с. 136]. При рассмотрении дискурса с точки зрения результата он предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. Под функциональным стилем в русистике принято понимать «общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определённым функциональным назначением и закреплённую традицией за той или иной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Это функциональная разновидность, или вариант, русского литературного языка, отличающийся способами его использования в разных сферах общения и создающий разные речевые стили как композиционно-текстовые структуры» [7, с. 508]. Сначала противопоставляя различные ФС, современная лингвистика стала постепенно находить общие черты, например, между научным и художественным, научным и официально-деловым стилями речи. В настоящее время говорят о взаимодействии и взаимопроникновении стилей, проводится изучение промежуточных жанров, к которым, например, относят эссе, дневники и переписку ученых (научно-эпистолярный жанр).

Понятие **речевого жанра (РЖ)** в свете языка относится к числу важнейших категорий прагмалингвистики, функциональной стилистики, социолингвистики. В качестве глубинного жанрообразующего фактора М. М. Бахтин рассматривал общественную психологию и идеологические системы, — то, что сейчас называют общественными формами сознания, а под РЖ понимал «относительно устойчивые типы высказываний, которые вырабатывает каждая сфера использования языка» [8, с. 250]. М. Ю. Федосюк, считая, что завершенность — это скорее признак текста, а не высказывания, дополняет это определение: «Речевые жанры — это относительно устойчивые типы текстов...» [9, с. 102].

В своем исследовании мы пользуемся общим определением речевого жанра, данным авторами «Стилистического энциклопедического словаря русского языка»: **речевой жанр** — это «относительно устойчивый тематический, композиционный

и стилистический тип высказываний (текстов)». Основными свойствами жанров речи считаются следующие: они «объективны по отношению к индивиду и нормативны; историчны, вырабатываются в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; выполняют функцию интеграции индивидов в социум; многообразны и разнообразны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности; являются опорой для творчества» [10, с. 350].

Многообразие жанров речи обусловлено как сферой их функционирования, так и конкретными коммуникативными интенциями говорящего [8, с. 242; 11, с. 32–39]. Однако вопрос об их репертуаре является одним из нерешенных, недостаточно исследованных в современном лингвистическом жанроведении. При этом сверхзадачей исследователей является не представление о конечном списке жанров речи, а создание системы описания речевых жанров, то есть выявление и систематизация оснований для построения типологии жанров в зависимости от прагматических параметров коммуникативных ситуаций.

Особенности научного дискурса. Исходя из понимания дискурса вообще, **научный дискурс** — это текст в широком смысле, функционирующий в научной сфере общения и неотделимый от коммуникативной практики. С философской точки зрения, проблема типологии и принципов научного дискурса рассмотрена в работе Е. А. Кроткова и К. А. Зуева [12].

Особенности научного стиля (НС) и характерных для него функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК) подробно представлены в фундаментальном исследовании М. Н. Кожиной «Стилистика русского языка». К таким ФССК относятся диалогичность, гипотетичность, акцентность, авторизация, проспекция и ретроспекция, оценка, интертекстуальность, аксиологичность и некоторые другие. Маркерами данных категорий выступают средства различных языковых уровней: от лексических и лексико-грамматических (разных частей речи) до синтаксических и собственно текстовых [1, с. 280–287].

Научный стиль представлен несколькими подстилями: собственно научным, научно-учебным, научно-техническим и научно-популярным. Их подробную характеристику, а также достаточно полное описание научных жанров см., например, в работах М. Н. Кожиной и В. А. Салимовского [1; 7; 11].

К основным жанрам научной коммуникации относятся:

1. Жанры *письменной* научной речи: научная монография, научная статья, диссертационная работа, научно-учебная проза (учебники, учебные и методические пособия и т.п.), научно-технические произведения (инструкции, правила техники безопасности и проч.), патенты, аннотации, рефераты, научные доклады, лекции, научные дискуссии, а также жанры научно-популярной литературы. Каждый жанр, в свою очередь, представлен несколькими разновидностями (вариантами или субжанрами).

2. Жанры *устной* научной речи.

2.1. Монологические: доклад, научное (реферативное) сообщение, выступление на семинарском занятии, устная рецензия или устный отзыв, защита курсовой и выпускной квалификационной работ.

2.2. Диалогические: научная дискуссия и научная беседа.

Кроме того, различают устную речь и устное воспроизведение письменной речи, то есть заученный или прочитанный вслух текст.

Основными **чертами** научного стиля являются: точность, абстрактность, логичность и объективность изложения, стандартизация, унифицированность средств выражения. Для этого функционального стиля характерно использование специальной научной и терминологической лексики, а также использование графической информации (формулы, графики, схемы, таблицы). Преимущественной **формой реализации** НС является письменная, однако в последнее время возрастает роль устной научной коммуникации. Поэтому все большее значение придается преподаванию академического письма и академической устной речи (выступления).

Актуальность применения основных принципов жанрового подхода подтверждается растущим вниманием педагогов, филологов и методистов к возможностям использования накопленных теоретических знаний и практического опыта жанрологии в преподавании культуры речи и иностранных языков. При этом наиболее актуальными вопросами являются содержания обучения текстовой деятельности в жанрово-стилевом аспекте (отбор речевых жанров, определение объема знаний, умений и навыков учащихся), методы и приемы работы с жанрами разных стилиевых сфер), профессиональная речь в жанровом аспекте: пути и средства расширения жанрово-стилевого репертуара будущего специалиста¹.

Одной из ключевых компетенций в современных ФГОС является коммуникативная, которая предполагает способность логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, готовить отчеты, публикации по научным исследованиям (для бакалавров), готовить обзоры и отчеты, рекомендации по практическому использованию результатов проведенных исследований (для магистрантов)². Развитие международных связей дает возможности студентам и молодым ученым выходить на международный уровень, что обуславливает необходимость развития иноязычной жанровой компетенции в научной сфере.

По справедливому мнению Н. А. Пром, в существующих программах подготовки специалистов задача развития коммуникативной компетенции обучающихся в основном выполняется программой «Иностранный язык» ввиду небольшого количества часов, выделенных на программу «Культура речи» для бакалавров и ее отсутствия в программах обучения магистрантов и аспирантов [3, с. 139]. Как показывает анализ отечественной и зарубежной методической литературы по деловому иностранному языку, преподавание ведется именно с опорой на основные принципы жанрового подхода: изучаются виды деловых писем, особенности переписки по электронной почте, правила ведения переговоров и подготовки устного выступления [13, 14].

По нашему мнению, жанровый подход применим в преподавании иностранного языка для академических целей. Особенно актуальной данная тенденция становится в свете изменения государственной политики в научной сфере. Так, согласно Указу Президента № 599 от 07.05.2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», необходимо обеспечить увеличение к 2015 году доли публикаций российских авторов в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science) до 2,44 процента. А это, в свою очередь предполагает воспитание нового поколения ученых, владеющих не просто иностранным языком, а культурой научного общения на этом иностранном языке.

Безусловно, существуют пособия для магистрантов и аспирантов, в наибольшей степени заинтересованных в развитии жанровой компетенции в научной сфере. Но, к сожалению, в них внимание уделяется в основном таким умениям, как перевод, аннотирование и реферирование текстов по специальности. Возможно, при составлении современных программ и подготовке учебно-методических пособий в курс иностранного языка следует включать работу с такими жанрами, как научная статья, отчет, патент (для инженерных специальностей), обзор, грантовая документация, устная презентация научного доклада, лекция, научная дискуссия и даже защита научной работы.

При этом преподавателям следует уделять внимание отличительным особенностям научных жанров и научной речи в целом в русской и зарубежной культурах [13, 15]. Кроме того, нужно иметь в виду существование жанровых вариантов (например, различий в оформлении научной статьи в различных журналах и издательствах), а также субжанров, входящих в состав более крупных жанров в качестве компонентов. Здесь имеются в виду описание графиков, таблиц и другой визуальной информации, формулирование теорем, изложение теории, введение алгебраических структур, особенности составления библиографического списка, правила цитирования и под. Перспективными являются вопросы о содержании жанровой компетенции обучающегося, то есть о конечном списке жанров, которыми должен владеть молодой ученый, а также о технологиях развития этой компетенции в современных образовательных условиях.

В работе со студентами и магистрантами ОмГТУ нами успешно применяются методики с названными выше жанрами и субжанрами, обучающие от восприятия текстов переходят к их воспроизведению. Ведется подготовка научных статей как на русском, так и на иностранном языках, что позволяет говорить о практической значимости описываемого подхода.

Таким образом, развитие культуры научной речи невозможно без уяснения того, что такое научный стиль речи и научный дискурс, каковы основные жанры научного стиля и их особенности. Если для студентов такие знания могут быть актуальны лишь по отношению к некоторым речевым жанрам научного дискурса, то преподаватель должен иметь полную картину и владеть общей информацией, касающейся описанных выше категорий и их содержания.

Примечания

¹См. проводимую в Ивановском государственном университете конференцию «Формирование жанрово-стилевого мышления языковой личности средствами русского языка» (март 2013 г.).

²Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность «Радиотехника». — URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/prm5-1.pdf

Библиографический список

1. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1993. — 224 с.
2. Федорова, М. А. Мировой социально-экономический контекст научного образования / М. А. Федорова, А. М. Завьялов // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2013. — № 4. — С. 7–10.
3. Пром, Н. А. Жанровая компетенция и ее формирование у магистрантов технического вуза на занятиях по иностранно-

му языку / Н. А. Пром // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2013. — Т. 13. № 9 (112). — С. 138–140.

4. Дементьев, В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В. В. Дементьев // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. — Саратов : Наука, 2007. — С. 5–20.

5. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 9. — Воронеж, 2011. — С. 25–33. [Электронный ресурс]. — URL: <http://lse2010.narod.ru/index/0-4/>. (дата обращения: 10.02.2014).

6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996. — 480 с.

7. Кожина, М. Н. Стилистика и речеведение на современном этапе / М. Н. Кожина // Стил. — Бр. 2. — Белград, 2003. — С. 11–27.

8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1979. — 416 с.

9. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 105–120.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. — М. : Флинта: Наука, 2003. — 696 с.

11. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-

стилем освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. — 238 с.

12. Кротков, Е. А. Проблема типов научного дискурса / Е. А. Кротков, К. А. Зуев // Гуманитарные науки. — 2012. — № 4 (8). — С. 16–26.

13. Сидорова, М. А. (Федорова М.А.) Применение жанрового подхода в обучении иностранному языку / М. А. Сидорова // Модернизация профессионального образования в условиях интеграции: проблемы обеспечения качества : материалы межвузовской науч.-метод. конф., 2–3 марта 2005 г. — Омск : СибАДИ, 2005. — С. 135–136.

14. Сидорова, М. А. (Федорова М. А.) Публицистический вариант речевого жанра «портрет человека» : дис... канд. филол. наук. 10.02.01 / М. А. Сидорова. — Барнаул, 2005. — 238 с.

15. Федорова, М. А. Развитие культуры научной речи в техническом университете / М. А. Федорова, А. М. Завьялов // Высшее образование в России. — 2013. — № 3. — С. 129–136.

ФЕДОРОВА Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, докторант.

Адрес для переписки: sidorova_ma79@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2014 г.

© М. А. Федорова

УДК 811.111:81

Н. В. ГОРОХОВА

Омский государственный
технический университет

ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕРМИН» И «НЕТЕРМИН» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы соотношения научных понятий «термин — нетермин» в современной лингвистике. Делается анализ основных оппозиций теории языка, как номен, прототермин, терминоид, квазитермин, профессионализм. Намечаются попытки исследовать возможности перехода неспециальных нормативных номинаций в разряд терминов. Выделяются основные критерии общности и различия специальной терминологии и слов общего употребления в лингвистическом пространстве.

Ключевые слова: термин, нетермин, прототермин, терминоид, квазитермин, профессионализм.

Проблема соотношения термина и слова уже долгое время является одной из наиболее важных в терминоведении. В современных исследованиях теории термина выделяют две противоположные точки зрения о месте терминологической лексики в структуре литературного языка. Согласно одной, терминологическая лексика не входит в состав лексики общелитературного языка, а термин противопоставлен слову как особый языковой знак. Однако специальная лексика, как известно, составляет большую часть лексического состава современных языков, причем наиболее динамичную ее часть: она составляет свыше 90% новых слов, появляющихся в современных языках. Все исследователи языков для специальных целей единодушны в том, что инструментом, с помощью которого формируется тот или иной специальный язык, служат термины и их совокупности — терминологии. Функции фикса-

ции, хранения специальных знаний о мире, оперирования ими являются основными для специальных языков. Это знание зафиксировано языком в тех терминах, которые обслуживают конкретную сферу. Данное утверждение дает возможность говорить об актуальности выбранной тематики, мы считаем, что имеет смысл определить признаки термина, релевантные для стоящего за ним научного понятия.

При выявлении круга единиц, претендующих на статус термина, ученые-лингвисты обычно пытаются разрешить две проблемы: 1) отграничение терминов как единиц, обслуживающих сферу специальной коммуникации, от общеупотребительных слов; 2) установление того, все ли специальные номинации можно назвать терминами.

Информация, которую содержит слово, как правило, имеет связь с его этимологией. Латинское «terminus» означает «пограничный знак» [1, с. 48].

В философии, начиная с античности, *терминами* называют субъект и предикат суждения. «Термин» раскрывает мотивацию этой номинации так: подлежащее и сказуемое суждения «определяют собою размах мысли ... подлежащее есть то, на чем говорящий желает сосредоточить внимание, а сказуемое — то, что именно должно открыть внимание в предмете своем. ... А так как логическое сказуемое и логическое подлежащее могут быть сложными, то каждая из составных частей их сама может получить наименование термина» [2, с. 121]. Этот комментарий позволяет убедиться, что для философов главным отличительным признаком термина является его понятийность.

В современной формальной логике, как упоминалось выше, значение понятия *термин* предполагает «слово и словосочетание (группа слов), а также отдельные буквы, символы и группы (сочетания) символов» [3, с. 594]. Однако необходимо отметить, что указание на способность какого-то сегмента речи соотноситься с понятием с точки зрения лингвистики вряд ли достаточно для наделения его статусом термина. Кроме того, принимаемая логиками дефиниция не может удовлетворять целям современного лингвистического исследования, поскольку не позволяет разграничить *термины* и *нетермины* в кругу номинативных единиц языковой системы.

Функциональный подход при характеристике понятий *термин* — *нетермин* предполагает, что в субстанциональном плане термины не отличаются от нетерминов, ссылаясь на деривационную связь первых и вторых: «между словарем науки и словарем быта — прямая тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка» [4, с. 23]. Любое неслужебное слово может стать термином, потому что терминология находится во взаимодействии с обыденной речью [5, с. 114]. Переосмысление слов литературного языка является активным способом создания терминов [6, с. 31]. Общелитературный язык остается основным источником образования терминов и пополнения терминосистем, а многие термины появились как семантические неологизмы на базе общеупотребительных слов [7, с. 8].

Идея деривационной связи терминологии и слов общего употребления активно развивается в современной лингвистике, «никаких принципиальных препятствий для любого слова или словосочетания стать термином не существует» [8, с. 53]. Выдвигается концепция «языкового субстрата» термина, исходя из положения о том, что между *нетерминологическим словом* и *термином* существует тесная взаимосвязь, а сама терминология является важной частью лексики современного литературного языка. Согласно упомянутой концепции, *термин* выглядит как «сложное трехслойное образование, включающее естественно-языковой субстрат — материальный (звуковой или графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры, определяемый принадлежностью термина к лексической системе того или иного естественного языка; логический суперстрат, то есть содержательные признаки, позволяющие термину обозначать общее — абстрактное или конкретное понятие в системе понятий; терминологическую сущность, то есть содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину выполнять функции элемента теории, описывающей определенную специальную сферу человеческих знаний или деятельности» [9, с. 7].

Конечно, факт признания деривационной связи терминов и литературных слов общего употребления не означает тождества или единства этих понятий, можно говорить и об использовании общеупотребительных слов в функции терминов, где необходимо различать слова, подвергшиеся при терминологизации семантическому переосмыслению, и слова, входящие в терминологию в своем основном значении [10, с. 91].

Способность или неспособность терминов отграничиваться от неспециальных нормативных номинаций только на семантическом основании приводит к мысли, что одного субстанционального критерия все же недостаточно, поскольку в семантическом плане термины ведут себя так же, как и остальные слова: «... ничто языковое им не чуждо» [11, с. 124].

Особенность семантики *научного термина* состоит в том, что она предполагает дефинитивность. В отличие от простого знака (обычного слова, нетермина) научный термин выступает не просто как средство четкого обозначения, а как средство логического определения, он «исполняет дефинитивную функцию», не называет понятие, а определяет его [12, с. 7–8].

В результате можно сказать, что термин стремится к объективному и обобщенному значению, репрезентируя понятие о классе объектов (идеализированном объекте, так и представляемом в речи), в то время как нетермины, наряду с объективной заключают в себе и субъективную информацию, не обязательно только называя, но и характеризуя, оценивая объект (в речи чаще всего конкретизируемый, соотносимый с референтом). Если за знаком-словом стоит непосредственное восприятие или представление о референте, то за знаком-термином — специальное понятие, которое является обобщенным знанием о предмете [13, с. 38].

Таким образом, понятийность как признак термина оказывается обусловленной сферой его функционирования, его принадлежностью к области специального знания. За пределами этой коммуникативной сферы полноценное существование термина кажется затруднительным или даже невозможным [14, с. 15].

Однако ограниченности сферы функционирования недостаточно, чтобы отличить термин от нетермина. Хотя термин и невозможно охарактеризовать без учета выполняемых им функций, нет оснований ограничиваться лишь этим его свойством, необходимо учитывать совокупность других признаков и обращать внимание на специфику его семантики.

При определении и разграничении понятий термина и нетермина нельзя не обратиться к структуре терминологического поля, его дальней и ближней периферии, где отражается ряд оппозиций, возникающих на разных основаниях. В первую очередь следует отметить, что упомянутые оппозиции актуализируются в зависимости от того, в каком аспекте — синхронном или диахронном — рассматривается терминологическое поле.

В синхронном аспекте термины как составляющие терминосистемы противопоставляются *номенам* и *профессионализмам*.

Номенклатура является «совокупностью специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названий типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий)» [15, с. 474]. Такое толкование противопоставляет номены терминам по признаку конкретности/

абстрактности обозначаемого, но в то же время номены предстают в роли разновидностей терминов (совокупность специальных терминов-названий). Фактически это стирает границу между двумя разновидностями элементов терминологического поля. Представляется, что по сравнению с единицами иных типов, также входящими в состав поля, номены на самом деле наиболее близки к терминам и входят в околоядерную часть терминологического поля, отличаясь от членов терминосистемы именно более конкретным характером денотата.

Критерием разграничения термина и номена является учет их роли в сфере специальной коммуникации. Если термины позволяют осуществить изолирующую, или идеализирующую абстракцию высокого уровня, то номены нужны в процессе абстракции отождествления, причем обобщение оказывается минимализированным. В то время как для термина характерна функция отражения понятия (термины «обслуживают» теорию), номенклатурный знак создается с целью названия, этикетирования отдельного вида предметов (номены связаны с реализацией теоретического знания в прикладном плане). Для номенклатурной единицы номинативная функция является основной, в то время как для термина основной является сигнификативная функция [16, с. 128].

Функциональная специфика номенов обуславливает своеобразие выбора их формы. Если термины на этапе создания в соответствии с принципом естественной классификации стремятся к объективности отражения информации и потому тяготеют к мотивированности, номенам свойственна тенденция к искусственному классифицированию, они отражают субъективную восприятия мира человеком.

Следует отметить, что, несмотря на противопоставленность по перечисленным параметрам, термин и номен имеют точку соприкосновения: оба они связаны с необходимостью отразить понятия. В разных терминологических полях различие между термином и номеном может быть большим или меньшим. Так, в области естественных или технических наук эмпирическая отнесенность номена и идеальная отнесенность термина очевидны.

При рассмотрении терминологического поля в диахронии актуализируются другие оппозиции. Признавая существование терминологического поля, мы имеем в виду рассматриваемую на одном синхронном срезе совокупность разнородных специальных номинаций. Но это поле не остается константным во времени, оно постоянно модифицируется, изменяясь к новым условиям. Терминологическое поле, в соответствии с общим свойством языковой системы, адаптивно. Именно поэтому оказывается актуальным противопоставление термина нетермину в историческом плане.

Указывая на способность языка порождать термины как особый тип номинаций, ученые называют обязательным условием их появления развитие у носителей языков способности к научному мышлению, формирование в их сознании научных понятий. Такой способностью, как считают исследователи, человечество обладало отнюдь не всегда. На ранних этапах развития сознания этому предшествовала эпоха, в которую обобщение доходило до представлений, но не перерастало в научные понятия. Данный этап носит название протонаучного, а слова, отражавшие специализированные представления, — *прототерминами* [16, с. 90].

В лексике языка можно выделить три группы слов, соответствующие трем уровням, обуслов-

ленным степенью развития мышления. Низший уровень соответствует наивному мышлению, отражающему наивный этап мышления, не способного отразить взаимоотношения понятий и выделить специфические черты. Низшему уровню соответствуют *общеупотребительные слова*. Средний уровень, получивший наименование «ремесленный» и характеризующийся стремлением к началу профессиональных знаний, соответствует преднаучному мышлению и связан с попытками определения специфичности того или иного понятия, с попытками обозначить некоторые ремесленные знания номинативно, через слово. К этому уровню следует отнести особые единицы, уже не общеупотребительные слова, но и пока еще не термины. Эти лексические единицы предлагается называть *прототерминами*, или *предтерминами*, поскольку они предшествуют появлению термина и его закреплению в списке специальных профессиональных единиц. Высший уровень связан с существованием лексических единиц, закрепленных в списке отраслевых терминологий, имеющих жесткую привязанность к границам определенного научного понятия, снабженных строгой дефиницией в специальных лексикографических работах (ГОСТах, научной литературе, профессиональных справочниках, учебниках и учебных пособиях)» [17, с. 5].

В соответствии со сказанным на современном этапе возможно появление и обычных (неспециальных) номинаций, и прототерминов, и терминов. Поэтому, наблюдая зарождение и развитие новых терминологических полей в связи с появлением новых наук, в их составе можно увидеть как термины, так и прототермины.

Предтермин в диахроническом плане составляет своеобразную оппозицию *терминоиду*. Обе эти номинации «недоотягивают» до термина, но их несовершенство обусловлено разными причинами. *Терминоид* — «специальная лексическая единица, используемая для номинации недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий» [16, с. 90], не имеющих четких границ и, соответственно, дефиниций, она не обладает точностью, независимостью от контекста и постоянным, устойчивым характером. В отличие от прототермина терминоид функционирует в терминологическом поле, но противопоставляется термину как единица незавершенного процесса терминологизации. *Предтермин* — специальная номинация, используемая для названия новых сформировавшихся понятий, но не отвечающая требованиям краткости, точности, стилистической нейтральности, предъявляемым к термину [16, с. 91]. Таким образом, в противовес терминоидам, у которых не устоялся перечень признаков понятия, предтермины — это наименования «неустойчивой формы» [18, с. 70–71]. К предтерминам можно причислить описательные обороты, сочинительные словосочетания, словосочетания, соединяющие причастный или деепричастный оборот.

Можно заключить, что терминоид и предтермин не входят в ядро терминологического поля, но занимают разные положения. Обладая компактной формой, терминоид имеет гораздо больше шансов в будущем перейти в ранг терминов. Для этого необходимо, однако, существенное условие: переход в специальной коммуникации к использованию данной единицы номинации с невариативным набором понятийных признаков. Что касается предтермина, громоздкость формы делает затруднительным его функционирование и фактически сводит на нет его

деривационный потенциал. Поэтому, как отмечают терминоведы, со временем предтермину находится более компактная замена, которая и получает статус термина. Тем не менее встречаются случаи, когда затягивающийся поиск удобной формы приводит к переходу предтермина в круг воспроизводимых номинаций. Такие номинации именуют *квазитерминами*, ср.: «...*квазитермин* — закрепленный в речи предтермин, используемый в качестве термина» [16, с. 91].

Исследуя проблему терминообразования (то есть осмысляя оппозицию *термин* — *нетермин* в диахроническом аспекте), целесообразно еще раз обратиться к оппозициям «термин — номен» и «термин — профессионализм».

Если в синхронии эти специальные номинации сосуществуют в пределах одного терминологического поля, то во времени их могут связывать деривационные отношения. Можно сказать, что строгая граница между терминами, с одной стороны, и номенами либо профессионализмами — с другой в диахроническом формировании терминологического поля отсутствует.

Что касается номенов, то их предназначенность для номинирования типов реальных объектов при дальнейшем углублении, детализации знания может оказаться предназначенностью для обозначения неких моделей, то есть идеальных объектов. В этом случае номены обретут статус терминов.

Переход в круг терминов не исключен и для профессионализма. Если профессионализм обозначает некую сущность, не имеющую официального наименования (не обозначенную термином), а потребность в ее означивании налицо, он может занять эту пустующую нишу.

Библиографический список

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 с. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1987. — 460 с.
2. Флоренский, П. А. Термин / П. А. Флоренский // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 121–133.
3. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М. : Советская энциклопедия, 1975. — 720 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М. : Высшая школа, 1972. — 614 с.

5. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — М. : Просвещение, 1967. — 542 с.

6. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. — М. : Просвещение, 1965. — 492 с.

7. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В. П. Даниленко // Исследования по русской терминологии. — М. : Наука, 1971. — С. 7–67.

8. Лейчик, В. М. Люди и слова / В. М. Лейчик. — М. : Наука, 1982. — 176 с.

9. Лейчик, В. М. Предмет, методы и структура терминоведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. М. Лейчик. — М., 1989. — 47 с.

10. Володина, М. Н. Информационная природа термина / М. Н. Володина // Филологические науки. — 1996. — № 1. — С. 90–94.

11. Котелова, Н. Э. К вопросу о специфике термина / Н. Э. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М. : Наука, 1970. — С. 122–126.

12. Виноградов, В. В. Вступительное слово на Всесоюзном терминологическом совещании / В. В. Виноградов // Вопросы терминологии. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 6–10.

13. Табанакова, В. Д. Понятийная разновидность термина-слова и текста его дефиниций / В. Д. Табанакова // Взаимодействие единиц и категорий языковых подсистем. — Тюмень : ТГУ, 2002. — С. 38–45.

14. Сербиновская, Н. В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке / Н. В. Сербиновская. — Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2009. — 234 с.

15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Сов. энциклопедия, 1966. — 608 с.

16. Гринев, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем : дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Гринев. — М. : МГУ, 1990. — 318 с.

17. Сорокина, Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э. А. Сорокина. — М. : Московский гос. обл. ун-т, 2007. — 45 с.

18. Морозова, Л. А. Терминознание: основы и методы / Л. А. Морозова. — М. : Прометей, 2004. — 143 с.

ГОРОХОВА Наталья Вячеславовна, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: n.gorokhova@nxt.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2014 г.

© Н. В. Горохова

Книжная полка

Омарова, Г. Б. Стилистика русского языка : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / Г. Б. Омарова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Учебное пособие включает теоретический материал по стилистике, темы для самостоятельного изучения, материал практических заданий, контрольные вопросы и тесты по основным разделам стилистики русского языка. Предназначено для студентов 3 курса специальности «Связи с общественностью» дистанционной формы обучения.

Азарова, Е. В. Русский язык : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / Е. В. Азарова, М. Н. Никонова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Настоящее пособие является второй частью учебно-методического комплекса по дисциплине «Культурология, русский язык, культура речи» и предназначено для студентов всех специальностей дистанционной формы обучения. Пособие направлено на создание у студентов представления о русском национальном языке и закрепление умений и навыков грамотного письма.

ОБРАЗ АВТОРА В ПОСЛАНИЯХ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1654–1667 гг.) (К ПРОБЛЕМЕ РАССМОТРЕНИЯ ПОЭТИКИ ТЕКСТА ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ)

Эпистолярный жанр по праву считается одним из показательных в условиях переходных процессов в русской литературе по ряду причин. Первая заключается в том, что жанровая природа послания сама по себе уже изначально обладает «переходным» характером, находясь между двумя сферами книжной культуры Древней Руси: беллетристической и делопроизводством. В силу объективных обстоятельств взаимодействие литературы и деловой письменности именно в XVII столетии приобретает новые формы. Литература и документ, взаимопроникая и дополняя друг друга, открывают новые горизонты в творчестве автора переходного времени.

Ключевые слова: русская литература переходного периода, эпистолярный жанр, творчество царя Алексея Михайловича.

Одним из открытий XVII века, по словам Д. С. Лихачева, стала эмансипация авторской личности, ее индивидуализация, свободное выражение своего мнения на события, участником или свидетелем которых был сам автор. «Рост самосознания автора был только одним из симптомов осознания в литературе ценности человеческой личности» [1, с. 180]. XVII век вместе с историческими потрясениями, изменявшими государственный облик страны, сформировал и новое восприятие и оценку исторического факта. Принцип средневекового историзма, свойственный древнерусской литературе, в XVII столетии трансформируется. Объясняя смысл произошедших событий, автор теперь видит в них не только проявление Божественной воли, но и стечение определенных обстоятельств, проистекающих из собственного желания и приводящих к планируемому итогу. Увидеть это возможно, обратившись к разножанровым сочинениям самих исторических персонажей, высказывавших свои суждения по поводу происходивших событий, участниками которых они были. Одним из ярких исторических персонажей, своей волей определявший ход исторических событий во второй половине XVII века, является царь Алексей Михайлович, писательская индивидуальность которого иллюстрирует переходные процессы в русской литературе.

Масштабным историческим внешнеполитическим событием в первое десятилетие правления молодого царя Алексея Михайловича, нашедшим свое освещение в его посланиях, как известно, стала русско-польская война, начавшаяся в 1654 году и завершившаяся подписанием Андрусовского перемирия в 1667 году. Письменные источники, засвидетельствовавшие развитие событий эпохи, позволяют воскресить не только сами исторические факты, но и увидеть, как через документ проявляется субъективная точка зрения составителя грамоты или послания, высвечиваясь сквозь существовав-

шее официально принятое мнение по какому-либо вопросу. Так, например, известно, что предопределенность военного столкновения с Речью Посполитой на Руси рассматривалась с позиции создания вселенской православной империи. Официальные документальные источники конца 40-х – начала 50-х годов XVII века свидетельствуют о том, что и сам Алексей Михайлович остро осознавал свою политическую и духовную значимость и воспринимал себя царем всего православного мира, намеренно ориентируясь при этом на византийский образец. Политическая программа царя Алексея Михайловича предполагала создание православной империи, выходящей за рамки Московской Руси.

Представления царя Алексея Михайловича о своем мессианском призвании в православном мире отчетливо видны в его посланиях, адресованных широкому кругу корреспондентов. «А мы на Божией службе, Ево милостию и отца нашего великого государя святѣйшаго Никона патриарха московского, всеа великия і малыя Росіи молитвами» [2, с. 18]. Именно поэтому все действия и поступки, совершаемые им, являются непреложными, поскольку они продиктованы свыше и являются Божественным волеизъявлением, противиться которому он не имеет права и как христианин, и как государь. Так, например, в своем известном послании В. Б. Шереметеву царь, поучая и наставляя своего адресата, в то же время излагает средневековую концепцию природы происхождения царской власти: «Вѣдомо тебѣ самому, какъ по изволенію Божию, нашъ государской чинъ пребываетъ и надъ вами. ... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тѣбе приняти; и тебѣ о томъ должно нынѣ и впредь Творца своего и Зиждителя и всѣхъ всячески Бога восхваляти и прославляти и нашимъ великого государя и тлѣнного царя жалованьемъ утѣшатися и радоватися Творца своего милости. Писано бо есть: сердце цареву въ руцѣ Божіи»

[3, с. 752]. Эта же тема находит свое продолжение и развитие в других, более поздних, посланиях царя, из которых видно, что Алексей Михайлович не сомневается в особой природе царской власти, данной Богом и определяющей предназначение царя в земной его жизни. Как примером подобного факта может служить письмо Григорию Ромодановскому: «Благословилъ и предалъ намъ, государю, правити и разсуждати люди Своя на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ въ правду, и мы Божія дѣла и наши государевы, на всѣхъ странахъ полагаемъ, смотря по человекѣ» [3, с. 774].

Приведенный фрагмент послания отчетливо иллюстрирует понимание царем Алексеем масштабы распространяющейся его власти в мире, что также будет отражено в его царском титуле, которым Алексей Михайлович нарекает себя в начале войны с Речью Посполитой: «Государь, Царь и Великий князь всея Великия и Малыя и Бѣлыя России Самодержец и многих государств и земель восточных и западных, и северных отчича и дедича, и обладатель». А если вспомнить, что в августе 1655 года была взята столица Литвы — Вильно, то становится вполне понятно, почему к основному титулу царя добавляется его другая часть «великий князь Литовский». Как следует из исторических документов, изменение титула русского царя, в котором современники не могли не усмотреть его претензий на особую роль в истории, соседними государствами было встречено весьма настороженно и оппозиционно. Так, например, крымский хан Мухаммед IV открыто протестовал против подобного титула московского царя, справедливо видя в нем претензии на первенство в мире и обожествление власти московского царя. «В Вашей грамоте написано не против прежнего, написано: Восточной и Западной, и Северной отчич и дедич, и наследник, великий государь и обладатель. И такие непристойные титулы предки Ваши никто не писывали. Где Москва, где восток, где запад? Меж востоку и западу мало ли великих государей и государств. Мочно было то знать и такие слова не писать, всей Вселенной отчичам и дедичам и обладателем пишется, и так лживо и непристойно писать, и непригоже. Мусюлманские и крестьянские государи, иных вер некоторые государи так себя писать не могут» [4].

Соблюдение написания полного своего титула, в основу семантики которого была заложена геополитическая трансформация Восточной Европы, требовал и сам Алексей Михайлович, о чем опять-таки свидетельствуют его грамоты. Так, в послании, адресованном Ф. М. Ртищеву, царь благодарит своего постельничего за дипломатическую настойчивость, проявленную им при переговорах с Павлом Сапегой в сентябре 1655 года, о признании нового титула московского царя. «И Павель Сапѣга хотѣлъ тебя отослать хъ королю, и ты грозъ ихъ не убоялся и говорилъ безстыднымъ дѣломъ о нашей государевой титулѣ, чтобы написали всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца ...» [3, с. 738–739]. Характерно, что и военная кампания против Польши Алексеем Михайловичем, как следует из его писем, воспринимается как Божественное провидение, неминуемо ведущее его к поставленной цели.

Начало военной кампании против Речи Посполитой было удачным для русского царя. Первый год был ознаменован взятием Гомеля и Могилева (август 1654), Смоленска (сентябрь 1654), через год, в августе 1655 года — Велижа, Витебска, Полоцка, Минска, Вильно, в сентябре — Львова. В ситуации

военных успехов в окружении Алексея Михайловича все больше крепла мысль о триумфальном походе на Варшаву и объединения под державной рукою московского царя Востока и Запада, и таким образом, реального воплощения идеи «Москвы — третьего Рима».

В то же время значительный корпус личной корреспонденции царя периода войны с Польшей, адресованной семье и ближайшим к нему лицам, демонстрирует не официальный образ правителя и полководца, а человека, находящегося в кругу житейских забот, рассказывающего об исторических событиях как о повседневных. В подобных случаях не трудно заметить то новое отношение к событию, его оценку, которое уже не характерно для эпохи Средневековья. Автором оценивается упоминаемое им в посланиях событие с позиции рядового человека. Можно сказать, что история в этом случае теряет свою сакральную природу и обретает земное, будничное начало. И именно из таких повседневных забот и складывается пестрая мозаика исторических событий, важность и масштабность которых в судьбе государства прекрасно осознается автором. Так, например, в письме к сестрам из Польского похода (26 мая 1654 года) царь помимо этикетных фраз, традиционно свойственных эпистолярному жанру, сообщает и о деталях дислокации русских войск под Можайском. «Извольте про меня вѣдать, и я пришель со всѣми людьми в Можаяскъ маия 26 день и буду стоять одинъ день, субботу, для кормовъ лошадиных. А из Можайска пойдем 28 день в недѣлю, а станъ будетъ въ пегинатцати верстах на рекѣ Ельнѣ; а спешю, государыни мои, для того, что сказывают людей в Смоленске и около Смоленска нѣтъ никою, чтобы поскорѣе захватить» [2, с. 1].

Лаконичное послание царя, адресованное сестрам, обладает заметными признаками, свойственными как писательской манере царя, так и текстам переходной эпохи. Стилистика посланий царя очень точно отражала индивидуальные черты характера монарха — это стремительность действий, желание совершать дело без промедления и быстро. Из приведенного фрагмента послания видно желание царя овладеть Смоленском как можно быстрее, пока есть на то благополучное стечение обстоятельств, которым нельзя не воспользоваться. Одновременно здесь же представлены и такие особенности авторского стиля, как бытописание, воссоздающее в деталях «труды и дни» Алексея Михайловича как полководца в его кругу житейских забот.

Особой литературной спецификой обладают в посланиях царя батальные сцены, небольшие по описанию, но динамичные по своей природе. Алексею Михайловичу удается в рамках лаконичного текстового пространства послания нарисовать динамичные сцены боя, взятия крепости, гибели людей, их физических страданий от полученных ран. «Учинилось вѣдомо намъ, великому государю, что в Смоленскѣ въ полкахъ солдаты многіе лежатъ болны, безъ призранья, и въ приказѣхъ стрѣлцы, а иные многіе садаты и стрѣлцы померли. А какъ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ есте переписали, сколько болныхъ садатовъ и стрѣлцовъ и сколько померли и, переписавъ, прислали бѣ есте роспись къ намъ, великому государю, а которые садаты и стрѣлцы лежатъ болны, и вы бѣ велѣли имъ отвѣсть дворы особные и велѣли бѣ нанять, кому ихъ беречь, чтобъ безъ призранья не померли» (послание Г. Г. Пушкину, 1655 года [3, с. 717]).

Не менее колоритен с литературной стороны другой эпизод баталии, описанный в письме А. И.

Матюшкину и содержащий в себе рассказ о поражении Матвея Васильевича Шереметева в сражении со шведскими отрядами под Валком в начале июня 1657 года, закончившемся трагично. Раненый М. В. Шереметев был взят в плен, где он впоследствии и скончался от полученных ран. Поражение воеводы, бегство войск и человеческие потери произвели сильное эмоциональное впечатление на Алексея Михайловича, которое он открыто высказывает в своем «дружеском» послании к Матюшкину, не стремясь завуалировать его в этикетные словесные формулы. «Братъ! Будь тебѣ въдомо: у Матвея Шереметева былъ бой съ немецкими людьми, и дворяне издрогали и побежали всѣ, а Матвѣй остался въ отводе и сорвалъ немецкихъ людей...» [5, с. 54]. Разговорная стилистика показывает внутренний мир адресанта послания, остро переживающего горе — поражение близкого человека. Царь судит о случившемся как о большом несчастье, принесшем горе всем. Удивительно, но человеческая природа царя проявляется даже в том, что он не осуждает дезертиров, бежавших с поля сражения, понимая их психологическое состояние: страх перед смертью и угрызания совести за совершенный поступок — бегство: «... а то всѣ цѣлы, потому что побежали, а сами плачють, что такъ грѣхъ учинился. ... А о Матвѣе не тужи: будетъ живъ, впередъ ему къ чести; радуйся, что люди цѣлы...» [5, с. 54–55].

Подобные примеры не единичны. Именно поэтому можно говорить об особом авторском стиле царя, умело передающем уже не абстрактный характер переживаемого события, а реалистичный, отражающий внутренний мир его участников. Примером может служить еще одно известное письмо царя из Польского похода (31 мая 1654 года), адресованное князю А. М. Трубецкому и иллюстрирующее лицемерие московских бояр, сопровождающих царя. «А у насъ ѣдутъ с нами отнюдь не единодушїем, наипаче двоедушїем, какъ есть оболока, овогда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, овогда паче же зноемъ и яростїю и ненастьемъ, всякимъ злохитреннымъ обычаемъ Московскимъ явятся, овогда злымъ отчаянїемъ и погибелью прорицають, овогда тихостїю и блѣдностїю лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ. Коротко вамъ пишу, потому что нѣколи писать, спѣшу в Вязму. А мнѣ уже Богъ свидѣтель, каково ставитца двоедушїя тово. ... Малое что в путь идетъ, а то всегда на гогульную статью: всѣ в рознь, а сверхъ тово сами знаете обычи ихъ» [3, с. 716]. Написанный собирательный словесный портрет с помощью художественных деталей, подобранных автором, с точностью передает нравы царского окружения.

Повседневность и реалистичность исторического события, показанного теперь вне средневековых традиций изображения баталлий, станет отличительной чертой царского дружеского эпистолярия времен русско-польской войны. Включение царем в дружеские послания описаний исторических событий и их комментарий, основанный на личном восприятии, свидетельствует о секуляризации литературного процесса в переходный период русской культуры. В итоге историческое событие постепенно становится фактом не божественного провидения, а следствием желаний самого человека, его волеизъявления.

Интересными наблюдениями могут стать такие фрагменты посланий царя, когда личный, семейный фон и официальное, государственное понимание происходящих событий объединены и неотделимы друг от друга. «Вашиими свѣтовъ моихъ молитвами

подароваль Богъ сїи богоспасаемый градъ Дорогобужъ» (4 июня 1654 года [2, с. 4]). Приведенная фраза из послания царя сестрам является устойчивым оборотом, часто использовавшимся в письменной практике. Она неизменно повторяется в ряде других писем царя. Кроме того, в ней отчетливо видны три устойчивых этикетных лексических сочетания: «вашиими молитвами», «даровал Бог», «богоспасаемый град». Вводя и используя подобные клишированные обороты в своей письменной практике, Алексей Михайлович соблюдает правила составления послания и прямо следует традиции эпистолярного жанра, восходящей еще к Византии. Однако в контексте реальных исторических событий фраза не может восприниматься только как необходимая его вступительная этикетная часть, начинающая письмо. Быстрое овладение Дорогобужем вызывает воодушевление и радость у царя, которой он хочет поделиться с сестрами, и желание дальнейшего быстрого продвижения к Смоленску («в Вязму пойдем тово ж числа после кушенья»). Поэтому фраза, обладающая этикетным характером, несет в себе и положительный заряд адресанта, объединяющая его и адресата в переживании общего эмоционального состояния («и вам, светом моим государыням, о том радоваться»).

И в данном случае важным становится то, как через событие истории показывается к нему отношение автора, словесно воплощенное в тексте. Послания царя, написанные им в период Польского похода и рассмотренные как единый текст, дают возможность проследить процесс формирования в переходный период русской культуры нового восприятия и понимания истории. Как известно, историчность была одной из основных особенностей литературы средневекового типа и в первую очередь жанра летописи. Летопись сформировала особое мировоззрение человека Древней Руси (в домонгольский период), отличительной чертой которого была эсхатологичность, позволявшая летописцу рассматривать и проводить параллели с событиями Священной истории, зафиксированными в библейских книгах (евангельских текстах, Откровении Иоанна Богослова, апостольских посланиях), апокрифических сочинениях.

Вторая половина XVII века, определяемая как переходный период русской культуры, породила совершенно иное понимание истории, определяемое личным восприятием отдельного человека. Пережитые события одного дня становятся значимыми для автора, поскольку с ними связаны определенного рода переживания и эмоции («радость душевная и сердешная»), раскрывающие внутренний мир адресата. И эти частные события, запечатленные в дружеских посланиях, образуют летопись жизни отдельного человека. Так, например, опубликованные С. А. Белокуровым [2] 65 писем царя позволяют рассматривать их как единый эпистолярный цикл, в котором день за днем на протяжении двух лет (с 1654 г. по 1656 г.) фиксировались события жизни («дѣла многія») Алексея Михайловича во время его Польского похода. В конечном итоге из этих отдельных фрагментов складывается единая «летопись» повседневности, сопоставимая с дневниковыми записями. Царь подробен в описании не только обстоятельств военного похода, но и деталей, характеризующих его быт, круг забот, связанных с семьей. Особой лиричностью обладают в посланиях строки, которыми Алексей Михайлович объясняет причины написания писем не собственноручно, а от его име-

ни посредником. В традиции эпистолярного жанра Древней Руси, как известно, до XVII века придворный этикет не предусматривал возможности великому князю оставлять на бумаге «чернения государевой руки» [6, с. 294; 7, с. 20–21; 8, с. 4; 9, с. 138]. Тем ценнее в этой ситуации предстают автографы посланий Алексея Михайловича, объясняющие причины обращения за помощью к другому лицу при его написании. «Да не покручинется, государыни мои свѣты, что не своею рукою писалъ, — голова тотъ день больѣла, а после есть лехче» [2, с. 3]; «Да не покручинется, что не своею рукою писалъ: ей, недосути и дѣла многия» [2, с. 8].

Подобные стилистические пассажи, встречающиеся в посланиях, помогают реконструировать историческую повседневность царя. Одновременно с помощью этих же деталей создается и образ автора, способного перевести масштаб произошедшего события в плоскость семейной хроники. Так, например, находясь весной 1655 года в Смоленске, царь пишет письмо, в котором делает приписку, в которой нельзя не почувствовать присутствия легкой иронии: «А у насъ Христось воскресе. А у васъ воистинно ли воскресе?» (письмо от 15 апреля 1655 года [2, с. 24]); «А у нас Христось воскресе в Смоленске» (письмо от 20 апреля 1655 года [2, с. 25]). Небольшая фраза, использованная царем в двух посланиях, становится значимой, если посмотреть на нее с позиции тех процессов, которые характеризуют переходную эпоху. Здесь ни в коем случае нельзя инкриминировать автору проявление кощунственного отношения к событию сакральной истории, уличить в балагурстве. Как известно, Алексей Михайлович, прочно укорененный в традициях православия, негативно относился к институту скоморошества и своим указом 1648 года [10, с. 296–299; 11, с. 115–119] запретил лицедейские представления, видя в них бесовство («бесовские игранья»), «трубное козлогласование» [12, с. 146–147; 13, с. 196–199]. Одним из следствий подобной политики молодого царя Алексея Михайловича, как известно, стал отказ от участия скоморохов в свадьбе царя и Марии Ильиничны Милославской в 1648 году.

Введенная царем фраза в послание несет в себе иной заряд. Помимо информативной функции (царь сообщает своей семье о том, где он встретил Пасху, находясь в походе) она обладает в то же время и объединяющим началом в семейных отношениях благодаря той легкой иронии, шутке, игрой смысла, которая все-таки определяет стилистическую природу фразы. И послание в данном случае приобретает форму пасхального подарка, который должен вызвать у адресанта при прочтении положительные эмоции и чувства: «...лицемъ к лицу не видалися, но духомъ всегда нераздѣлни николи же» (5 мая 1655 года [2, с. 28]).

В целом можно сказать, что семейные послания царя, написанные лично им или от его имени во время Польского похода, стилистически схожи с дневниковыми записями. Алексей Михайлович со свойственным ему стремлением к соблюдению порядка во всем придерживается этого правила и в эпистолярном творчестве, фиксируя и описывая события, из которых и складывается целостная картина жизни государя, находящегося вдали от дома. Одновременно в своих же посланиях царь отмечает и то, что становится для него открытием: нравы людей, описания укреплений противника, батальные пейзажные зарисовки. Подобные нюансы придают письмам царя дневни-

ковый характер, свойственный запискам путешественника, открывающего для себя много нового, и с чем он желает поделиться со своими родными. В итоге в русской литературе второй половины XVII века зарождается ощущение исторического процесса, его хода, поэтому и возникает интерес к фиксации событий каждого дня, будь то это «Дневальные записки приказа Тайных дел» или ежедневные послания царя, демонстрирующие новый тип человеческой личности определенной исторической эпохи. Таким образом, эпистолярные сочинения царя Алексея Михайловича, равно как и документальные по своей природе «Дневальные записки приказа Тайных дел», находятся в одной литературной парадигме, несмотря на разножанровость произведений. Для них характерна общая черта, проявляющаяся в изменившемся понимании истории и отношении к ней. Авторы (и дьяки приказа Тайных дел, и сам венценосный писатель) второй половины XVII века используют в своей практике один художественный метод изображения события в книжной практике, слагая общую картину истории из будничных событий, видя в них особый смысл, определяющий земную жизнь человека. «Если прежде история определяла судьбу человека, то в канун Петровских реформ человек предъявил свои права на историю, попытался овладеть ею... Событие не находится в зависимости от Бога; событие — лишь "апликация" на бесконечном потоке времени» [14, с. 136].

Библиографический список

1. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили / Д. С. Лихачев // Избранные работы в 3 т. — Л.: Худож. лит., 1987. — Т. 1. — 653 с.
2. Письма русских государей и других особ царского семейства. Письма царя Алексея Михайловича / Под ред. С. А. Белокурова. — М., 1896. — Т. V. — 88 с.
3. Записки Отделения Русской и Славянской Археологии / под ред. В. Ламанского. — СПб., 1861. — Т. 2.
4. Фаизов, С. Ф. «Где Москва, где восток, где запад?»: почему крымский хан Мухаммед IV не согласился с царем Алексеем Михайловичем в вопросе о том, кто может владеть Востоком и Западом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/hist_faizov-2.htm (дата обращения: 17.01.2014).
5. Собрание писем царя Алексея Михайловича / сост. П. Бартев. — М., 1856.
6. История русской литературы. В 4 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Пруцкова. — Л.: АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), 1980. — 814 с.
7. Панченко, А. М. Русская культура в канун Петровских реформ / А. М. Панченко. — Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1984. — 205 с.
8. Буланин, Д. М. Последнее столетие древнерусской книжности / Д. М. Буланин; под ред. Д. М. Буланина // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1992. — Вып. 3 (XVII в.). — Ч. 1. — С. 4.
9. Калугин, В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя) / В. В. Калугин. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 416 с.
10. Описание Государственного архива старых дел, составленное инспектором Государственных архивов и членом разных ученых обществ П. Ивановым. — М., 1850.
11. Морохин, А. В. К истории ранней деятельности ревнителей древнего благочестия / А. В. Морохин // Российская история. — М., 2010. — № 6. — С. 115–120.

12. Лихачев, Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л.: Наука, 1976. — 204 с.
13. Панченко, А. М. Русская стихотворная культура XVII века / А. М. Панченко. — Л., 1973. — 279 с.
14. Панченко, А. М. Русская культура в канун Петровских реформ / А. М. Панченко // Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. — СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. — 544 с.

ШУНКОВ Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент (Россия), проректор по научной и инновационной деятельности.
Адрес для переписки: alexandr_shunkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.05.2014 г.

© А. В. Шунков

УДК 811.111: 629.33

**Ю. С. ДАНИЛИНА
Е. А. ДЕБРИЯН**

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ И ЛЕКСИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Статья посвящена рассмотрению трудностей перевода терминологических конструкций и лексико-семантических заимствований в научно-технических текстах, а именно в английской машиностроительной терминологии. В статье указывается, что наиболее распространенные ошибки перевода связаны с синтаксическим способом образования английских научно-технических терминов. Даются методы и способы адекватного перевода таких конструкций. Описываются лексико-терминологические заимствования, а также необоснованное калькирование.

Ключевые слова: английская машиностроительная терминология, лексико-терминологическое заимствование, синтаксический способ образования английских машиностроительных терминов, узкоспециализированные термины, калькирование.

Требования, предъявляемые к уровню профессиональной подготовки специалистов в различных областях и к степени владения ими иностранным языком, постоянно повышаются. Таким образом, основополагающей задачей при работе с аутентичной литературой по специальности является адекватность перевода, особенно перевода терминологических понятий.

Отличие научной коммуникации от бытовой не только в грамматической структуре построения предложений, но и в средствах выражения и в семантике входящих в нее лексических единиц. Характерной чертой научно-технической литературы любой отрасли и в любом языке является большая насыщенность текстов терминами и терминологическими сочетаниями.

Именно поэтому при обучении профессиональному иностранному языку особого внимания тре-

бует специальная лексика — термины и их переводные эквиваленты, так как владение терминологией позволяет не только понять суть текста и выполнить адекватный перевод узкоспециального текста, но и представляет собой обязательный компонент профессиональной компетенции специалиста в каждой определенной отрасли. Поэтому обязательной составляющей программы по иностранному языку для неязыковых вузов является обязательное знание как терминологии по специальности, так и умение грамотно и точно переводить научную литературу — богатую терминологической лексикой.

Научно-технические тексты отличаются друг от друга не только отраслью науки, к которой они относятся, но и степенью их специализации. В настоящее время многие науки переживают период активного развития, у специалистов возникают трудности при переводе узкоспециальных терминов, особенно

появившихся сравнительно недавно. В связи с необходимостью давать названия вновь появляющимся понятиям многие слова общего языка (общей лексики) приобретают новую окраску и определенную качественную специфику. Параллельно происходит процесс специализации значений подобных слов при их переводе на другой язык и унификация переводных эквивалентов. Как показал сопоставительный анализ англо-русских и русско-английских научно-технических переводов, наибольшее количество ошибок встречается именно в сфере лексики. Самые распространенные ошибки можно условно разделить на 3 категории: 1) неверная или неточная передача общенаучных слов, встречающихся в научно-технических текстах; 2) неверный перевод терминологических сочетаний и 3) неправильный перевод терминов, особенно узкоспециализированных.

Причиной неточной или неверной передачи смысла общенаучных слов является ограниченное раскрытие семантики слов в общебытовом использовании существующими лексикографическими справочниками. Следовательно, особое внимание нужно уделять также и вопросу перевода общенаучных слов, которые обладают качественной спецификой в научно-технических текстах. Не менее важны и их переводные эквиваленты, поскольку общенаучный слой лексики имеет огромное значение и для смысловой, и для структурной организации любого текста научно-технической направленности. Большое количество общенаучных слов, например, таких как *sleeve*, *support*, *building*, *translator*, *to handle*, *opening*, и др. представляют собой не только средство обозначения интердисциплинарных понятий и являются связующим звеном лексического состава научно-технических текстов. Схожие слова — хотя и с разной частотой — встречаются в разных языках, и нередко — в очень специфических, характерных для научно-технического текста (и не свойственных для бытовых) значениях. Например, «*sleeve*» как «кабельная муфта», «*support*» как «подшипник», «*translator*» как «преобразователь». Специфика указанных слов крайне редко дается в двуязычных словарях. Отсутствие узкоспециализированных отраслевых значений создает трудность как для понимания письменного научно-технического текста, так и для коммуникации по указанной тематике. Таким образом, изучение, анализ (семантического и стилистического) и описание качественной специфики данных лексических единиц в текстах научно-технической направленности является необходимым в настоящее время.

Возникающие при переводе терминологических сочетаний сложности связаны с тем, что значительное количество английских научно-технических терминов образованы синтаксическим способом. В последнее время в области машиностроения появляются новые понятия, состоящие из многокомпонентных терминологических сочетаний, или препозитивных цепочек слов. Грамматическая организация английских многокомпонентных конструкций представляет особое затруднение. Указанный способ словообразования заключается в создании терминов в виде цепочек слов. Популярность этого способа вполне объяснима. Во-первых, любой язык ограничен в плане лексических единиц. Во-вторых, развитие современных технологий и науки приводит к открытию новых явлений, которые требуют все новых точных определений и наименований. Поэтому лексико-синтаксический способ имеет боль-

шую популярность, чем традиционные семантические и морфологические; в научно-технических текстах подобные конструкции относятся к числу самых употребительных.

Рассмотренная особенность современной английской терминологии объясняет необходимость рассмотрения методов и способов адекватного перевода подобных сочетаний на русский язык. При переводе препозитивных конструкций чрезвычайно важен порядок их перевода с английского языка на русский. Подобные терминологические сочетания, как правило, состоят из существительного (ядро высказывания) и других частей речи, которые могут располагаться как до, так и после него. Сложнее дело обстоит с беспредложными цепочками слов, которые не связаны между собой служебными словами. Первым этапом работы с терминологическими сочетаниями является определение его состава, вычленение главного слова, понятие сути сочетания и последним этапом является подбор нужного эквивалента. Трудность состоит в том, что в рассмотренных цепочках лишь ядро будет переводиться той же частью речи, которую она представляет собой в английском. Остальные компоненты могут переводиться другими частями речи. Более того, порядок слов в русских терминологических сочетаниях также зачастую не соответствует английскому порядку слов. Например: *thread protector* (предохранитель для трубной резьбы), *shielded ball bearing* (шариковый подшипник с защитной шайбой), *constant-speed drive* (одношквальный привод), *rod carrier* (направляющая передаточных тяг).

Неверный перевод терминов объясняется другими причинами. Во-первых, это выбор неподходящего для каждого конкретного случая значения какого-либо слова (как правило, существительного). Эта ошибка является наиболее распространенной. Рассмотрим на примерах: «*idle wheel*» часто переводится словосочетанием «холостое колесо», хотя верным вариантом является «промежуточное колесо»; «*stepped shaft*» — как «ступенчатый вал» вместо верного «вал с цапфами»; «*binding lever*» — как «соединительный рычаг» вместо верного «стопорный рычаг». Иногда неверный перевод дается не одному слову в конструкции, а всему словосочетанию, например: «*a public services revolution*» переводится в качестве «революция в бытовых услугах» вместо «реорганизация в сфере бытовых услуг», «*work pressure*» — как «рабочее давление» вместо «требования к персоналу». Часто даже обычное, не вызывающее сложностей, словосочетание может переводиться не вполне правильно, например, для английского словосочетания «*light load*» более уместным будет русский эквивалент «частичная нагрузка», а не «легкая нагрузка». Во-вторых, термины, особенно узкоспециализированные, зачастую понятны лишь специалистам в конкретной области научного знания. Однако переводом научно-технической литературы, как правило, занимались не профессиональные специалисты по данному предмету, а переводчики-лингвисты, не владеющие знаниями в этой области. В-третьих, причиной ошибки может быть некачественный «подстрочный перевод», что является следствием вышеупомянутого и/или невнимательность и отсутствие внимательного лексико-семантического анализа термина и его контекстуального значения.

Таким образом, можно сделать вывод, что для адекватного перевода научно-технических текстов, необходимо хорошо владеть не только соответству-

ющей тематикой и языком, но также обладать научным мышлением и логическими категориями. Только совокупность этих знаний и умений дает возможность выявления основных закономерностей, верного понимания и правильного перевода научно-технической литературы, и обеспечивает основную задачу перевода — предоставлять ясную и четкую информацию. Следует отметить, что данное утверждение обоснованно и вытекает как естественное следствие двух основных требований к переводу научно-технической литературы, о которых писал Я. И. Рецкер, а именно: а) перевод должен быть точным, т. е. передавать именно то, что содержится в оригинале; б) в переводе должна быть ясность и четкость — даже *вне зависимости от степени ясности самого подлинника* [1].

Стремление упорядочить терминологию — совсем не новое явление, в настоящее время — в свете развития технологий, появления новых научных теорий и открытий — появилась необходимость вновь пересмотреть и упорядочить существующую систему и внести необходимые изменения.

Поэтому не менее актуальным остается принцип работы над терминологией (предложенный еще Д. С. Лотте), которая должна включать в себя следующие этапы: 1) выявление основ конкретной науки; 2) отбор понятий, их систематизация и группировка; 3) построение классификации понятий; 4) определение понятий; 5) отбор терминов из существующих синонимов с целью упрощения коммуникации; 6) построение новых терминов [2].

Говоря о проблеме терминологических заимствований, следует вспомнить о том, что любой живой язык всегда находится в стадии непрерывного изменения. Следовательно, и лексика любого языка является динамичным явлением и реагирует на все те изменения, которые происходят в жизни. С языком научно-технической литературы происходят такие же изменения. По причине увеличения межкультурных, а значит, и межъязыковых контактов в различных сферах деятельности, проблема языкового заимствования изучается более интенсивно.

Нужно отметить, что исследования в области заимствованной лексики являются сложным и многогранным процессом. Это связано с тем, что заимствования пронизывают всю структуру языка и, в зависимости от сферы употребления, подразделяются на различные категории. И лексические заимствования из разных категорий имеют разную степень востребованности.

Иностранное слово обычно заимствуется, выполняя свою основную — номинативную — функцию, является средством опосредованного познания действительности. Лексическое заимствование, расширяющее понятийную картину заимствующего языка, выступает или в роли термина, или является наименованием какой-либо реалии.

Если заимствование не противоречит норме языка и не отягощает синонимические ряды ненужными повторениями оно может способствовать обогащению лексики заимствующего языка. Например, если автор не может точно выразить мысль на родном языке, он целиком заимствует инокультурный концепт (т.е. сохраняет его иноязычное написание). Порой прямое заимствование — калькирование — обоснованно. Если, например, в родном языке не имеется подходящего эквивалента, который полностью раскрывал суть какого-либо понятия или явления. То есть, заимствуется не столько само слово, сколько инокультурный смысл, для которого подбирается средство выражения среди уже

имеющихся в распоряжении заимствующего языка единиц. В этом случае калькирование вполне обоснованно [3]. В качестве примера можно привести такие термины, как *конвейер* (conveyor), *цилиндр* (cylinder), *трансмиссия* (transmission). Хотя в русском языке и существуют эквиваленты данных английских слов, они не будут в полной мере нести в себе тот смысл, который кроется в английских понятиях. Например, для русского слова «*поточная лента*» в английском языке существуют два эквивалента — это и «conveyor», и «traverser», но данные слова не будут являться синонимами. И для разграничения значения включение в лексический состав русского языка термина «конвейер» обоснованно.

Следует отметить, что в последнее время участились случаи, когда калькирование не имеет под собой никаких логических оснований. Обратились к примерам. В технической литературе появились такие псевдотермины, как «*гевайс*» («device»), «*трафик*» («traffic»), «*монитор*» («monitor»), «*гаджет*» («gadget»). Существование и введение подобной «терминологии» в обиход русского языка не представляется обоснованным по причине того, что в русском есть весьма точные эквиваленты вышеуказанным английским терминам, которые четко отражают суть английских концептов («*гевайс/приспособление*», «*трафик/движение, поток*»).

Такие заимствования, вероятно, объясняются определенной языковой модой. Они представляют собой пустые концепты (англоязычные варваризмы) и паразитарные концепты, имеющие общеоценочный характер (в том смысле, что чужое заведомо лучше своего). Здесь классификация концептов основывается на определении ценностной значимости инокультурных заимствований и даже на попытках внедрить элементы чужой ментальности.

Таким образом появилась необходимость как тщательного изучения, так и адекватного лексикографического представления об этом лексическом слое, что будет способствовать не только лучшему пониманию специализированных текстов, но и повышению качества научно-технического перевода, роль которого постоянно возрастает, поскольку научно-технический прогресс невозможен без оперативного ознакомления специалистов с мировыми достижениями в области науки и техники. Следовательно, всестороннее осмысление этого многогранного явления представляется очень важным.

Подводя итог, можно сказать, что для выявления объективных закономерностей перевода научно-технической литературы представляется необходимым:

1. Ограничить лексико-семантический анализ рамками близких и пересекающихся наук (например, машиностроение — судостроение — механика — нефтегазовая техника и др.), что поможет вывести определенные закономерности перевода общенаучных лексических единиц и специфических терминов.
2. Выявить общие языковые закономерности, присущие этим областям науки, что позволит сознательно определить выбор лексических и при переводе, что позволит подобрать наиболее частотные значения и дать адекватный перевод вновь появляющимся терминам и понятиям.
3. Определить целесообразность «калькирования» иноязычного термина.
4. Систематизировать и рационализировать язык науки на основе лингвистического анализа с учетом контекста и при обязательном сотрудничестве со специалистами в каждой отдельной области.

1. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвист. теории перевода / Я. И. Рецкер ; доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. — М. : Р. Валент, 2004. — 240 с.
2. Лотте, Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Д. С. Лотте. — М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1941. — 24 с.
3. Данилина, Ю. С. Актуальные проблемы развития и современного состояния немецкой терминологии сельскохозяйственного машиностроения : дис. ... канд. филол. наук :

10.02.04 : защищена 29.11.2011 / Юлия Сергеевна Данилина. — Омск, 2011. — 156 с.

ДАНИЛИНА Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.
ДЕБРИЯН Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: danilinaomgau@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 26.05.2014 г.

© Ю. С. Данилина, Е. А. Дебрян

УДК 80:355

А. В. УЛАНОВ

Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий,
г. Омск

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье рассмотрены языковые черты русского институционального военного дискурса XIX — начала XX веков, которые делятся на локальные и нейтральные (универсальные), не связанные с территориально закрепленным военным подязыком. Анализ лексического состава военного дискурса в региональном аспекте помогает раскрыть специфику развития специального языка на периферии, выявить его общие и частные особенности. Анализ проведен с привлечением широкого источниковедческого материала: архивных документов, печатных источников столичного и регионального происхождения.

Ключевые слова: военный дискурс, регионализация, локальные особенности, универсальные особенности, дискурсивные формулы.

Распространенность русского военного подязыка и русского институционального военного дискурса на территории всей Российской империи ставит вопрос о регионализации военно-дискурсивных явлений. Его решение позволяет установить существование периферийных модификаций дискурса и дискурсивных особенностей военного подязыка на периферии.

Региональная специфика терминологических номинаций обнаруживается в историко-лингвистических источниках двух типов: с одной стороны, тех из них, которые созданы на отдельных территориях Российской империи, в местах дислокации казачьих военных соединений XIX — начала XX веков, с другой стороны, региональные «военные» номинации фиксируются в справочных источниках, опубликованных Генеральным штабом Российской армии.

Таким образом, первый аспект регионализации военного дискурса — отбор того материала, который может служить свидетельством развития военного подязыка на определенной территории. Второй аспект — выработка методологии анализа таких языковых единиц. Эта методология должна, по нашему мнению, включать как сам принцип отбора языковых единиц, имеющих региональную специфику, так и критерии этого анализа.

Мы обратились к тем источникам, которые чрез-

вычайно информативны с позиции лингвистической информативности и содержательности документов, включают большое количество регионально обусловленных и закрепленных лексем и сочетаний [1–3]. Наше исследование касается локальных аспектов развития дискурса, в частности, ряд лингвистических фактов динамики военного дискурса обнаружен при изучении военного дискурса Сибирского казачьего войска [4].

В процессе исследования региональных особенностей дискурса мы обратились к материалу о казачьих подразделениях, находившихся на территории Сибири и Дальнего Востока.

Методология определения локальных (периферийных) особенностей военного дискурса предполагает разделение языковых черт, обусловленных территориальным признаком (локальные черты) и нейтральных (универсальных), не связанных с территориально закрепленным военным подязыком.

1. Нейтральные особенности военного дискурса, не связанные с территориальным признаком. К числу таковых можно отнести большинство институциональных признаков дискурса: круг коммуникантов, цели, стратегии и тактики взаимодействия. В языковом отношении обнаруживается немало общезыковых (универсальных) особенностей на лексическом уровне: наличие терминологической лексики, словесных оппозиций, специфич-

Универсальные особенности русского военного дискурса начала XIX–начала XX веков

Территориально закрепленные дискурсивные образования	Сибирское казачье войско	Другие войсковые соединения
Лексический подуровень: наличие лексических оппозиций	<i>Полевой – внутреннеслужащий, внутренний; военный – гражданский, земский, станичный; внутреннеслужащий – неслужилый разряд, регулярный – нерегулярный, иррегулярный</i> [8]	<i>Чума, безпрестанно возобновлявшаяся на Линии, служила поводом к многочисленным разногласиям между главными начальниками военной и гражданской части</i> [9, с. 176]
Деривационный подуровень: наличие составных номинаций	<i>Сибирская пограничная линия</i> [10, с. LI], <i>Кольвано-Кузнецкая линия</i> [10, с. LII].	<i>В 1869 г. учреждено было в Новочеркаск урядничье училище</i> [11, с. 241]. <i>В 1871 году это училище переименовали в юнкерское училище</i> [11, с. 241].
Лексический подуровень: парадигматические отношения синонимии	войсковой капитал – войсковые средства, военный состав – строевой состав, военный – войсковой (об учебных заведениях) [8]	<i>Полевой – действительный (о службе), военный – служебный – военно-служебный (о повинности)</i>
Морфологический подуровень: изменение лексического и грамматического значения частей речи	Прилагательные (причастия) → существительные: <i>внутреннеслужащих = сущ.</i> [8, с. 17]	<i>Главнокомандующие оставались в Константинополь</i> [12, с. 15]
Синтаксический подуровень: наличие дискурсивных формул военного подчинения	<i>по распоряжению Командующего войсками Туркестанского Округа</i> [8, с. 18]	<i>Французская армия находилась под начальством Генерала Канробера; английскую армию предводительствовал Генераль-Лейтенантъ Браунъ</i> [12, с. 15]

ных метафор; на деривационном уровне – наличие аналогичных способов образования новых лексем (табл. 1).

Материал таблицы доказывает регулярность производимости основных универсальных черт дискурса на разных территориях Российской империи в разных точках дислокации войск.

2. Территориально маркированные особенности военного дискурса.

Территориально маркированными особенностями дискурса можно считать факторы экстралингвистического фона (этнокультурные факторы дискурса, психоэмоциональные и ментальные особенности военнослужащих – представителей различных национальностей, живущих на разных территориях распространения вооруженных сил), факторы внутриязыкового пространства дискурса (наименования-экзотизмы, диалектизмы, присущие отдельным территориям, наименования специфических реалий и понятий).

Выразительную функцию специфической особенности русского военного дискурса выполняют военные топонимы. Территориально закрепленный дискурс обладает собственными, регулярно воспроизводимыми топонимами.

Топоним – сложный и многоаспектный термин. В традиционном понимании это номинация (идентификатор) географического объекта. Среди особенностей этой языковой единицы: четкость, однозначность семантики, стилистическая маркированность, определенность морфологической характеристики и др. Можно сказать, что топоним выполняет не только важную локализованную языковую коммуникативную функцию, но и функцию прагматическую, так как участвует в речевом акте военной коммуникации. Топоним имеет и семиотическую основу, выполняет роль знака-символа, регулярно производимого в соответствии с функцией общения.

Ведущая роль топонима – указание на дислокацию вооруженных сил. Топоним определяет

хронотопный аспект дискурсивности, который является одним из ведущих институциональных характеристик военного дискурса [5], характеризует пространственные рамки того, о чем говорит автор документа. Топоним выполняет важнейшие фактологическую и историко-культурную функции: с одной стороны, он свидетельствует о том, где происходит то или иное событие, с другой – идентифицировав топоним, можем дать историко-культурную оценку масштабам происходящего.

В тексте деловых документов Сибирского казачьего войска встречаются топонимы, называющие поселения военнослужащих (город, крепость, слобода, поселок, станица): *Крепость Омская от Железинской крепости 202 версты. Ся крепость середина как Иртышской так и новой линиям тож и из земли и городов Тары и Тобольска чрез Абац по новопроложенной дороге на реке у Иртыш к Чернолуцкой слободе еще ж и от Такмыцкой слободы вверх по Иртышу и всья* (знаком «Б» обозначаем букву «ять») *дороги...* [6, ф. 235. оп. 1. Д. 1, л. 18].

Топоним с позиции деривационной употребляется в двух основных разновидностях: как собственно топоним и как так называемое оттопонимное образование (в составе официальных названий – например, *Иртышская линия, Бийская линия*).

Интерес представляет указание в документе на место издания – «город Омск». В указании наблюдаются некоторые лексические и графические «колебания», которые проявились в вариантах написания топонима «Омск». Топоним «Омск» реализуется в нескольких лексических модификациях:

- как имя существительное (*городъ Омскъ*);
- имя прилагательное (*крѣпость Омская*). В обоих случаях видовое наименование (имя собственное) сопровождается родовым наименованием либо «город» (сокращается до «г.»), либо «*крѣпость*» (сокращается до «креп.»/ «кр.»/ «крѣ»).

№ 1-й
Декабря 20 Дня
1848 Года

Г. Омскъ [6, л. 5]

№ 29

Февраля 12 дня

1849 года

Крѣпость Омская [6, л. 85]

№ 19-й

Января 27-го дня

1848 года

Крѣп. Омская [6, л. 64]

Реже название города фиксируется без родового наименования:

№ 1424

8 Марта 1849 г.

Омскъ [6, л. 106]

Топонимы, имея важную функциональную нагрузку в структуре военного делопроизводства, являются важной прагматилистической составляющей лингвистического компонента русского военного дискурса в его диахронических модификациях.

Рассмотрим **территориально маркированные особенности дискурса** на примере военно-дискурсивного пространства Амурского казачьего войска.

Амурское казачье войско возникло по мысли генерала-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского в середине XIX века. Войско было призвано составлять новое «заселение» на юго-восточной границе Российской империи, поддерживать сообщение по Амуру и Уссури; охранять границы; нести военную службу в пределах Амурской и Приморской областей; поддерживать почтовое сообщение; заготавливать нужные материалы для войсковых помещений; нести внутренние повинности, связанные с оседлостью.

Амурское казачье войско имело в те времена не только важнейшее военно-стратегическое значение (определение границ Российской империи, урегулирование дипломатических отношений с китайцами и японцами), но и социально-экономическое, явившись средством развития приамурского края. Остановимся на **территориально маркированных особенностях**, репрезентированных в военном дискурсе этой территории.

1. В рамки военного подъязыка в этот период активно вписались **территориально закрепленные номинации**, в частности, специфические для данной территории названия военных подразделений и территорий: 1856 г. *Ноября 1. Рѣшено было высѣлить на Амурскую линію отъ Забайкальскаго войска два конныхъ полка и четыре баталіона, но на самомъ дѣлѣ, до 1860 года, были пересѣлены лишь казачьи сотни: Кумарская, Нижнее-Благовѣщенская, Буреинская, Константиновская, Поярковская и двѣ пѣшихъ, изъ всѣхъ этихъ частѣй образована Амурская казачья бригада* [3, с. 311]. Подобные сочетания являются отражением реалий региональной военной картины мира, однако они достаточно в однородном виде воспроизводятся в периферийных разновидностях военного дискурса XIX века на всей территории Российской империи (ср. **Сибирское казачье войско, Астраханское казачье войско**).

2. Регионализация дискурса приводит к тому, что локально обусловленные номинации участвуют в **экстралингвистических и собственно лингвистических механизмах формирования высказывания**. Так, последнее приведенное в пример предложение говорит о таких внеязыковых фактах военной реальности XIX века, как интеграция периферийных

военных структур (Забайкальского и Уссурийского казачьих войск), их укрупнение (бригада — войско), взаимодействие войск и гражданского населения, о социальной роли локально сосредоточенных войсковых частей:

До 1899 года — Амурскіе и Уссурійскіе казаки по наряду содержали сообщенія по рѣкамъ Амуру и Уссури, охраняли границу, отправляли почтовую и полицейскую службу въ предѣлахъ своихъ областей и поставляли на казенную надобность лошадей, дрова, жилище и прочее [3, с. 323].

Большую роль в смысловой организации военного дискурса играет иерархичность военной системы, ее структурная обусловленность, зависимость одного ее элемента от другого, а именно подчинение одной войсковой единицы — другой либо другому лицу (этот признак характерен и для военного дискурса на современном этапе):

Амурское войско подчиняется военнымъ губернаторамъ Амурской (2 конный полкъ и Амурскій баталіонъ) и Приморской (Уссурійскій) баталіонъ) областей [1, с. 410].

3. Лексический состав военного дискурса динамичен, подвержен изменениям под влиянием социальных изменений, что прослеживаются в смене языковой интерпретации названия:

1881. *Января 6. 1-я и 2-я Уссурийскіе казачьи конныя сотни отчислены из Амурскаго казачьяго войска и обращены в регулярныя. Примечание: Нынѣ Приморскій драгунскій полкъ* [3, с. 312].

3а. Названия подразделений свидетельствуют о присутствии разных видов несения службы, в том числе на воде: 1902 г. *Ноября 28. Утверждено положеніе объ Амурско-Уссурійской казачьей флотиліи* [3, с. 312]; о территориальных особенностях несения военной службы — в частности, борьбе с китайцами, японцами: 1903 г. *Февраля 19. Пожалованы: простое знамя — Амурскому казачьему войску; знаки отличія на головные уборы «За отличіе противъ китайцевъ въ 1900 году — 1-й сотне Амурскаго казачьяго дивизіона»* [3, с. 313].

3б. **Топонимические названия** участвуют в реализации основных стадий жизнедеятельности войска, в частности, формирования войска (бригада — войско), его структуризации как военной системы: 1858 г. *Декабря 8. Послѣдовалъ указъ объ образованіи Амурскаго казачьяго войска* [3, с. 311]. *Наибольше населенные пункты: Владивостокъ и Хабаровскъ — центръ генераль-губернаторства и управленія Приамурскаго Военнаго округа* [1, т. 8, с. 61].

3в. Локальное несение военной службы сопровождается узואльно закрепленными значениями лексем военного подъязыка, значениями, сегодня признаваемых архаичными: **боксеръ** — участник повстанческого движения в Китае в 1900 г. против иностранцев:

Въ 1900 году — оба войска въ полномъ составѣ участвовали въ походѣ въ Китай противъ боксеровъ [3, с. 323]. *Боевая служба полка началась въ 1900 году, при подавленіи боксерскаго возстанія въ Китае* [1, т. 2, с. 407].

В военно-дискурсивном пространстве Амурского казачьего войска немало **особенностей, индифферентных к территориальному признаку**.

В среде лексики того периода много общезыковых черт русского языка XIX века:

(1) **Наличие большого числа составных номинаций**. Среди лексических единиц немало терминологических наименований, построенных по схеме «адъективный компонент (территория) + адъектив-

ный компонент (род войск) + субстантивный компонент (шеф войска) + субстантивный компонент (название войсковой единицы)»:

Амурскій казачій Генераль-Агъютанта Графа Муравьева-Амурскаго полкъ [3, с. 315].

Семантика квантитативности (количественности) в номинации военных подразделений — проявляется в нумерации военных единиц:

После упорнаго стрѣлковаго боя въ теченіе цѣлаго дня отрядъ Волжина отошелъ къ Дапидушану, откуда 12 іюля 5-я сотня амурцевъ была отправлена въ Хуанженянь на соединеніе съ 6-й сотней [1, т. 2, с. 408].

Дифференциация подразделений по количественному признаку — была изначально заложена в концептосфере военных номинаций. Данный признак эксплицитно или имплицитно выражен в семантической группе названий военных подразделений. Эксплицитное выражение значения — сотня (= сто); имплицитное выражение — дивизионъ, баталіонъ, но: полубаталіонъ: *1879 г. Ноября 3. На основаніи новаго устава о воинской повинности Амурскаго казачьяго войска [Уссурийскій казачій пѣшій] баталіонъ переформированъ въ — Уссурийскій казачій пѣшій полубаталіонъ* [3, с. 319]; *5 ноября полусотня 5-й сотни, находясь в сторожевом охраненіи у Дапидушана, была отрѣзана пѣхотнымъ отрядомъ противника въ количествѣ 2–3 ротъ* [1, т. 2, с. 408].

(2) Одно из явлений организации лексических средств дискурса — *наличие оппозиций*. «Оппозиция — одно из основных понятий структурно-функциональной лингвистика, в которой язык трактуется как система взаимно противопоставленных элементов. Оппозиция чаще всего определяется как лингвистическую существительное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания и наоборот» [7, с. 129].

Названия военных подразделений являются примером бинарной оппозиции номинаций военного дела в XIX веке:

действующий — резервный: *Округа формируются: полковые — два 4-сотенных конныхъ полка (1-й и 2-й Амурскіе) и баталіонные - 2 Пѣшихъ 5-ротныхъ баталіона дѣйствующихъ (Амурскій и Уссурийскій) и два баталіона резервныхъ (только въ военное время)* [1, т. 2, с. 410].

военный — гражданский: *Амурское войско подчиняется военнымъ губернаторамъ Амурской (2 конный полкъ и Амурскій баталіонъ) и Приморской (Уссурийскій) баталіонъ) областей, пользующимся: по гражданской части — правами гражданскихъ губернаторовъ, а по военной — правами начальниковъ дивизій* [1, т. 2, с. 410].

строевой — нестроевой: *Въ 1876 г. изъ наряда въ 588 человекъ для военныхъ цѣлей предназначалось только 240 строевыхъ и 48 нестроевыхъ казаковъ...* [1, т. 2, с. 411].

Анализ лексического состава военного дискурса в региональном аспекте помогает раскрыть специфику развития специального языка на периферии, выявить его общие и частные особенности, проследить обусловленность развития военного лексикона от условий, времени, места несения службы на отдельных территориях Российской империи.

Библиографический список

1. Военная энциклопедія / Под ред. В. Ф. Новикова, А. В. Фонь-Шварца и др. — В 18 т. — СПб. : Изд-во И. Д. Сытина, 1911.
2. Инженерныя и желѣзнодорожныя войска. Под ред. В. К. Шенкъ. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. — СПб., 1909. — 120 с.
3. Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры / Под ред. В. К. Шенкъ. — СПб. : Типографія В. Д. Смирнова, 1912. — 496 с.
4. Уланов, А. В. Элементы деловой речи в русском военном дискурсе XIX — начала XX веков / А. В. Уланов // История регионального текста: жанр, стиль, язык : моногр. — Омск : Вариант - Омск, 2012. — С. 25–37.
5. Уланов, А. В. К вопросу об институциональных признаках дискурса / А. В. Уланов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2012. — № 3. — С. 88–92.
6. Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьяго войска. — Ф. 235. Оп. 1. Д. 1 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).
7. Приходько, С. А. Оппозиции в политическом дискурсе В. И. Ленина / С. А. Приходько // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 129.
8. Всеподданѣйшій отчетъ о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ. Омскъ : Типогр. окружн. штаба, 1879. — 104 с. (фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина).
9. Положение о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку [Электронный ресурс]. — СПб. 1849. — 92 с. — Режим доступа: <http://runivers.ru> (дата обращения: 27.09.2013).
10. Сибирское казачье войско. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ за 1876 годъ... — Омскъ : Типографія Окружнаго Штаба. 1877. — 65 с. (фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина).
11. Историко-статистическій очерк Астраханскаго казачьяго войска. — Саратовъ: Типографія П. С. Феофритова, 1890 [Электронный ресурс]. — 415 с. Режим доступа: <http://runivers.ru> (дата обращения: 27.09.2013).
12. Крымская экспедиція. Разсказъ очевидца / Пер. с франц. — СПб., 1855. — 87 с. — Режим доступа: <http://runivers.ru> (дата обращения: 27.09.2013).

УЛАНОВ Андрей Владимирович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков. Адрес для переписки: ulanov.andrey.2014@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2013 г.

© А. В. Уланов